

Герман Романов СПАСТИ КАППЕЛЯ!

Под
бело-зеленым
знаменем

Спасти Колчака

Герман Романов

**Спасти Каппеля! Под
бело-зеленым знаменем**

«Яуза»

2011

Романов Г. И.

Спасти Каппеля! Под бело-зеленым знаменем / Г. И. Романов —
«Яуза», 2011 — (Спасти Колчака)

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «„Попаданец” на троне» и «Спасти Колчака»! Пришельцы из будущего в пекле 1920 года! Военно-историческая фантастика высшей пробы! Оказавшись в теле колчаковского офицера, наш современник перевел стрелку времени, и бронепоезд русской истории свернул с «запасного пути» на Транссибирскую магистраль, подарив белым шанс на победу в Гражданской войне. Теперь все в руках генерала Каппеля: если его армия устоит, а сам он не погибнет от пневмонии – не будет ни трагедии Великого Сибирского Ледяного похода, ни агонии Белого дела, ни падения России. Но прорвать фронт истории можно лишь отчаянной «психической атакой» (сами каппелевцы называли их иначе – «беспатронными»): под бело-зеленым знаменем, не кланяясь пулям, без единого выстрела – в штыки!

© Романов Г. И., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава первая	14
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Герман Романов

Спасти Каппеля! Под бело-зеленым знаменем

Пролог

Назарово

(31 декабря 1919 года)

– Ох, и поддал ты парку, Сеня! Ох, как хорошо, полтора месяца не мылся! Жалко, что банька тесновата. Ноги на полке не вытянешь!

Бородатый мужчина лет пятидесяти зачерпнул деревянным ковшом из кадки холодной воды и вылил на покрасневшие от горячего пара плечи. Его можно было принять за обычного сельского мужика, но манеры явно говорили, что тот весьма образованный человек. И если хорошо присмотреться, то сразу можно скинуть и добрый десяток лет – борода сильно старит любого человека.

– Лучше на полке не вытянуть ноги, чем на ней их протянуть, Мики. – Моложавый мужчина лет тридцати пяти – тридцати шести, с небольшими светлыми усиками, забрал у бородача ковш, черпнул ладонью и смочил ледяной водой лицо. Клубы пара жгли тело, но это приносило неслыханное удовольствие.

– Ложись, мон шер колонель, сейчас я тебя веником отхожу по первое число. – Бородач осторожно, чтоб не обжечься, достал из кадушки запаренный березовый веник. Плавнo взмахнул им, стряхивая с листьев горячие капли. И принялся хлестать по спине офицера, что удобно улегся на полке, – ему-то она как раз пришлось впору, ведь ниже бородача на голову.

– Ты это... Полегче, государь... Насмерть запорешь...

– Я щас деда Миша, какой я тебе царь! Переворачивайся на спину, барин, надо по фасаду пройти. Вот так, Семен Федотович!

– Вот внуков заведешь, тогда и дедом станешь... Ой... Ты еще сына заведи... Жениться тебе придется, государь... Да не хлещи ты так больно!

– Скажешь тоже – жениться... Я пятый десяток давно разменял.

– Давно? В прошлом году, насколько помню. Ты в самом соку, Ми...

Офицер не договорил – по его ногам стали хлестать веником нещадно, потом бережно прошлись по груди, на которой проглядывались два шрама и застарелая строчка шва. И очень ласково веник затронул живот, низ которого, прямо под пупком, был покрыт багровыми рубцами и пятнами.

– Ничего не пойму, – тихо произнес мужчина, – почему шрамы от картечи все время розовые, ведь полтора года уже прошло. И совсем не изменились. Как тогда затянулись, при вспышке, так такими и остались...

– Я сам не пойму, Михаил Александрович. Будто током пронзило, яркий свет до сих пор перед глазами стоит.

– И помолодел ты за этот год изрядно, Сеня. Лет десять скинул...

– Так я и этого, и того времени человек. Одна моя половина тогда исчезла, но другая-то здесь осталась. До сих пор непонятно. Вот и подумываю с того дня, что не зря так сложилось. Мне в сорок третьем такой же год пошел – ровесник века я. Сейчас, в девятнадцатом, вроде молодость снова пришла.

– Среднее арифметическое?! – задумчиво протянул Михаил Александрович. Посмотрел еще раз на багровые, но полностью зажившие рубцы и задумчиво протянул сквозь зубы, стараясь не глотнуть горячего воздуха.

– И такое возможно. На свете много есть интересного...

– Друг Горацио, – добавил Семен Федотович и, кряхтя, поднялся с лавки. – А теперь ты ложись, Михаил Александрович, послужи царю-батюшке. Разделаю тебя сейчас, как бог черепаху, в камбалу расплюшу...

«Расплющить» не удалось, но отхлестал полковник Фомин последнего российского императора на совесть, не пожалев сил и двух березовых веников. Потом они тщательно обмылись, мысленно благодаря судьбу. Ведь за шесть недель похода каким-то чудом вшей не подцепили, а вместе с ними и тифа, что целыми батальонами буквально выкашивал отступающую вдоль линии Транссиба колчаковскую армию...

Хорошо помывшись, всласть, они выбрались в маленький предбанник, забрав с собой керосиновую лампу, еле светившую тусклым язычком пламени. Вытерлись хозяйскими рушниками насухо, взяли с лавки по паре чистого белья и неспешно облачились в него.

– Последняя, – вздохнув, сказал Михаил Александрович и усмехнулся. – Раньше я даже не замечал этого и не думал, что белье играет важную роль.

– Предпоследняя, – поправил Семен Федотович, – так что можно еще неделю походить. Хозяйку для стирки я снарядил, до утра за печкой просохнет. Так что три пары у нас будут.

– Живем! Как много теперь чистые подштанники значат!

– Еще бы! Ну, надо идти, государь, а то штабным тоже помыться хочется. Они, бедные, по трое забиваться будут, утром нам опять версты мерить.

Тихо переговариваясь, они быстро облачились в потрепанные английские френчи с синими погонами. Фомин носил свои штаб-офицерские, в два просвета, пустые, без звездочек. А вот великий князь поскромнее, где на просвет было меньше, зато четыре звездочки пирамидкой выстроились.

Накинув на плечи шинели и нахлобучив папахи, Михаил Александрович и Семен Федотович вышли из бани и побежали к дому. Миновав сени, они сразу окунулись в непередаваемую вонь немых вечность тел, грязных портянок, пороховой копоти и давящего чувства безысходной усталости.

В неширокой зале – центральной комнате с большой русской печью посередине – впопалку спали уставшие от продолжительного марша офицеры и солдаты, уткнувшись носами в полушубки. У всех на плечах были такие же синие погоны с белыми литерами «Иж» и «Втк».

От печи шли две двери – в правой комнатухе, запечной, или кутьи, как ее называли в Сибири, расположились хозяева. Большая семья – «сам», здоровенный мужик с седоватой бородой с лопату, его жена с большими натруженными ладонями и пронзительно-синими, вечно виноватыми глазами плюс целый выводок детей и внучат от двадцати до грудничков.

Как эта орава в кутье разместилась – уму не понять. Но вели себя хозяева тихо – ни шороха, ни звука, даже детки молчали, напуганные прибытием вооруженных до зубов служивых. В небольшой светлице, с левой стороны печи, расположился на ночлег штаб. Комнатка была полностью заставлена тремя кроватями, шкафом, сундуком и маленьким столом из струганных досок. Сейчас она пустовала – никто сюда не заходил.

И не могло быть иначе – так завсегда размещался штаб знаменитой Ижевско-Воткинской дивизии. Командир генерал-майор Молчанов Викторин Михайлович отсутствовал, привычно проверяя обустройство своих частей на ночлег. Вместе с ним ночевали только они двое – начальник штаба полковник Фомин и его первый помощник великий князь Михаил Александрович, что был известен в дивизии под псевдонимом «штабс-капитан Михайлов».

Дивизия была больше по названию, а по численности равнялась бригаде – пять дней назад понесшие большие потери полки по настоянию Фомина свернули в батальоны, а последние в

роты. Но и в таком урезанном виде ИВД была сильнее трех любых дивизий отступавшей колчаковской армии, вместе взятых. Только штыков в ней имелось пять тысяч – и каких штыков!

Ижевские и воткинские рабочие знали, за что воевали. Красная пропаганда, напроць разлагавшая сибирские дивизии, сформированные из насильно мобилизованных крестьян, на них совершенно не действовала. А обещаниям советской власти, которая год назад безжалостно подавила ею же и вызванное восстание, они наотрез отказывались верить. Полтора года воевали ижевцы и воткинцы почти без перерывов – не зная усталости, без дезертиров и трусов, выполняя самые трудные задачи. Но держались особняком. Даже погоны были отличными от других – синими. Этот цвет для них символизировал железо и сталь оставленных под напором красных родных заводов.

Михаил Александрович и Фомин сжились с рабочими за это время, даже породнились. Ходили в атаки, отбивали яростные штурмы красных на окруженные заводы, разделили горечь прошлогоднего декабрьского отступления, когда голод с холодом выкашивал работный люд с женами и детьми во сто крат страшнее, чем красные пули и снаряды.

«Внутри» тайна императора продержалась недолго, но что самое удивительное – рабочие сохраняли ее «снаружи», насколько это было возможно в условиях войны. Попытки царевубийства, предпринятые красной разведкой, были пресечены ими на корню. Связанные общими узами ижевцы и воткинцы с подозрением относились к добровольцам, желающим вступить в дивизию. Это переносилось и на офицеров, ведь своих, доморощенных, было не просто мало, а катастрофически не хватало.

Но только немногие из них смогли завоевать полное доверие рабочих – за ними теперь шли безоглядно. Это и генерал Молчанов, полковники Юрьев и Фомин, подполковники фон Вах, Федичкин, и Ефимов. И все – более старших офицеров в дивизии не имелось. Потому и свернули ее в бригаду – начсостава едва хватило на укомплектование батальонов, зато по немыслимым сейчас полным довоенным штатам в тысячу штыков.

Но Ижевско-Воткинская дивизия была исключением из правила, в других же частях офицеров и солдат имелось чуть ли не поровну – дезертирство, сдача в плен малодушных является приметой любой гражданской войны. Оставались только самые стойкие духом, те, что осознанно пошли воевать против большевиков. Вот только драться всерьез никто из них, за исключением волжан, уральцев и уфимцев, сейчас не мог – тиф косил солдат страшнее пулеметов. Части были перегружены транспортом с больными и семьями, превратившись в огромные неуправляемые обозы. Как тут воевать?! Но не только это давило на армию – угнетающими были известия, что в Красноярске и Иркутске произошли эсеровские восстания, и теперь нужно было не отступать, а пробиваться с боем на восток, до спасительного Забайкалья, где утвердились части атамана Семенова и японцы...

Фомин вздохнул – ему удалось настоять на заблаговременной эвакуации семей ижевцев и воткинцев. Теперь хоть и имелся немаленький обоз, но бригада могла воевать. Только права поговорка – один в поле не воин. Задержать наступающих по пятам красных не удавалось, а положить дивизию, спасая других, значило лишиться последней боеспособной силы. И главное – ведь тогда может погибнуть спасенный в Перми от казни год назад последний русский император, и все их смерти пойдут коту под хвост.

Именно Михаил Александрович был последней надеждой, символом грядущего возрождения России. И понимал это не только Семен Федотович, но и сами рабочие. В последнее время ижевцы усилили негласную охрану императора, за ним постоянно приглядывали со всех сторон десятки настороженных глаз, одновременно стараясь оставаться незамеченными.

А о его участии в боях теперь и речи быть не могло – Фомин не сомневался, что даже реши сам Михаил Александрович снова идти в цепь, ему просто не дадут.

Такой же строгий пригляд полковник стал чувствовать за собой – видно, тут уже «Михайлов» распро ядился, да еще генерал Молчанов категорически приказал в драку не лезть, а

оберегать императора. Круг замкнулся, и вырваться на поле боя стало невозможным для него делом. Лишь Шмайсер был счастливым, хоть вместо своего егерского батальона командовал сводной ротой. Правда, очень мощной по составу, чуть ли не в три сотни штыков – не каждый полк белой армии сейчас имел такую силу...

– Михаил Александрыч! Семен Федотыч! Извольте сидеть. Варёво из печи прямо, – произнес Кулаков, бессменный денщик с прошлого года. Щуплый мужичок лет сорока, бывший оружейник, не годный к строю, внес в еле освещенную одной свечой комнатенку исходящий паром чугунок.

– Есть так есть, – скаламбурил, но охотно согласился император и уселся за стол. Напротив присел и Фомин – переспорить Кулакова с его уговорами было бессмысленным делом, лучше сразу покориться. А то как квочка кудахтать будет. И «царь-батюшка» каждым вторым словом начинает употреблять, а этого Михаил Александрович терпеть не мог.

Чугунок вареной картошки с мясом раздражил бы аппетит и у сытого, чего ж говорить о людях, каждый день пребывающих на морозе. Рядом высилась на блюде горка хлеба, и памятником стояла штофная бутылка, на четверть заполненная мутной жидкостью со специфичным, любой русский мужик враз опознает, запахом – самогонкой хозяйского приготовления.

– Великий Суворов говаривал, что после бани хоть порты продай, но водки выпей, – невесело произнес император и разлил самогон по двум стаканам. Жидкость заполнила емкости на треть – вполне достаточная доза для лечения усталости и нервозности последних дней.

– Хорошо пошла, прям соколом, – император выдохнул воздух, помотал головой, чуть скривился от сивушного омерзения. Дружно взяв ложки, они принялись хлебать варёво из чугунка, какие тут тарелки и придворный политес с манерами. У Фомина его отродясь не было, а Михаил Александрович за последнее время напрочь утратил прошлые привычки, превратившись в «деда Мишу». Или «тятю» и «батюшку», как его всегда, но за глаза именовали знающие тайну рабочие, а ведали про нее всей дивизией.

Фомин улыбнулся – так называют любимых начальников, кои отца заменяют, но нет гаже для коман дира прозвища, чем «папик» или «папашка». Такому не верят, презирают, что и подчеркивает прозвище.

– Чему улыбаешься, Сеня?

– Да так, вспомнил кое-что, Мики...

Мики! Царь сам попросил его называть наедине своим детским прозвищем, а на «ты» всегда, при любых людях. Вроде награды раньше – перед королем шляпы не снимать, на «ты» обращаться. Михаилом Александровичем или господином капитаном, в зависимости от ситуации, называли все ижевцы и воткинцы, а солдаты и «тыкали» любимому «тятеньке».

Монархические симпатии, несмотря на восторженно принятую три года назад революцию, были видны невооруженным глазом. Те же рабочие высоко ценили золотые с позументами «царские кафтаны», которые в прежнее время даровались императором самым лучшим оружейникам. И в крестьянских домах, особенно в старожильческих, на стенках висели портреты царствующей семьи, как и здесь в комнате. Причем рядом с покойными Николаем и его сыном Алексеем располагался портрет Михаила Александровича – в эполетах, парадном мундире, лоб с залысиной, без усов и бороды.

А сейчас не признать Мики – борода лопатой, вместо худобы выросли мышцы, взгляд человека, много раз ходившего в штыковую, а не штабного генерала, разглядывающего бой исключительно по карте. Возмужал за эти полтора года Михаил, посмотрел, к чему привела безответственная политика брата. И язва у него зарубцевалась на народной пище, даже воспоминаний не оставила. Это не трюфеля поганые под шампанское закусывать, а русскую водочку под мяско, да с огурчиком соленным! Не бланмаже дрянное...

Кремень стал Михаил Александрович, полностью стряхнул с себя, как грязную шелуху, придворное воспитание. И личное отринул – в октябре ему попала красная газетенка – а там,

в длинном списке расстрелянных, была княгиня Брасова, его жена. Наталья Шереметьевская, по первому мужу Вулферт. А о смерти единственного сына Георгия Михайловича от странной болезни император прочитал в английской газете. Фомин удивился выдержке друга – Мики только заскрипел зубами да почернел лицом.

Фомин всем нутром чувствовал, что есть какая-то страшная тайна в семейной жизни императора, причем очень и очень постыдная, такой не только не расскажешь другу, а самому себе признаться страшно.

В бане Семен Федотович первый раз заикнулся о женитьбе, сведя разговор к шутке, и остался доволен. Пусть его идею не приняли, но ведь и не отвергли с порога, а значит, Михаилу Александровичу необходимо время на обдумывание. Да оно и понятно – нужно исправлять ситуацию в России, потом о семье думать, о наследнике царского престола, того самого, которого под задницей пока еще и нет...

– Ты на что надеешься, Семен? – тихо спросил царь, когда они после ужина закурили папиросы. И с нажимом заговорил:

– Это же катастрофа, Сеня. Армия деморализована, отступает в беспорядке, а в Красноярске и в Иркутске восстания. Все происходит так, как ты и рассказывал. Белое дело обречено изначально...

– Не совсем так. Есть шансы...

– Какие шансы? – чуть повысил голос император и скептически пожал плечами.

– Но ведь Миллер на Колу смог эвакуироваться и даже там укрепился. А сейчас мы отступаем в более нормальной ситуации, чем было. По крайней мере, наша дивизия. Так что...

– Ты меня не ободряй, я не паникую. Так что говори честно, не темни! Ты мне друг, зачем лгать?! – отрезал Михаил Александрович и требовательно посмотрел на Фомина. Тот закричал, тряхнул головой и посмотрел прямо в глаза, голос стал четким и холодным, как у немилосердного судьи, читающего смертный приговор висельнику.

– Революция похожа на приливную волну, а наши старания лишь пара дополнительных лопат гравия на песчаную дамбу. Размоет и унесет, не остановится. Я предупреждал адмирала Колчака несколько раз, а что толку? Старые генералы не понимают сути гражданской войны, все их планы хуже песчаных замков. А молодые не имеют опыта и знаний, ни дара предвидеть, даже те, кому дали возможность оказаться наверху.

– Не всем же знать будущее, это только тебе известно да Шмайсеру моментами, ибо он только читал о гражданской войне, но ее не видел.

– Да, это так. Я просил Колчака не начинать сентябрьскую операцию на Тоболе, доказывал, что она обескровит остатки армий. Он же, как азартный игрок, поставил на карту все, полностью оголив тылы. И вышло то, что и было, наступили на грабли второй раз. Дорогу заняли чехи, золотой запас уже в их руках, армия отступает в беспорядке, разгулявшиеся партизаны господствуют от Енисея до Байкала. Ты прав – это *катастрофа*!

Собеседники мрачно переглянулись и закурили по еще одной папиросе, хотя табак был на вес золота и его приходилось беречь. Фомин заговорил снова, безжалостно цедя слова.

– Наше влияние, все мои действия лишь сдвинули на пару дней те или иные события, но отменить их итог оказалось не под силу. Видно, есть какие-то законы, по которым движется история, и они неумолимы. Теперь остается только Забайкалье – может, там нам удастся закрепиться.

– Ты имеешь в виду ДВР, о которой мне рассказывал?

– Да, это наш последний шанс. Приморье в истории само пожелало императора, но было поздно. У нас есть полтора года – красных нельзя пускать в Забайкалье!

– Что ты хочешь сделать?

– У нас надежная дивизия – ее хватит для штурма Иркутска.

– А чехи?

– Мы их должны взять за горло, чтоб они не вмешались. И отнять золото, без него не удержимся.

– И как это сделать?

– Часть сил, с батальон, отправим на Култук по тракту. Там разоружаем охрану и миниреем один туннель. И если чехи дернутся – рвем его к чертовой матери. А сами уничтожаем все суда в Лиственничном, переходим через Байкал и занимаем оборону по побережью. Не думаю, что до этого дойдет, – чехи не самоубийцы пешком топать, ведь награбленное не увезешь.

– Так, – задумчиво протянул император и почесал пальцем переносицу. – Так вот почему ты на санях полсотни пудов тола везти приказал. Рванет так же, как в Ачинске...

– Так точно! Надеюсь, что этот аргумент подействует на чехов. И опять же! Взрыв в Ачинске произошел на день позже, но произошел ведь! Изменение не существенное, но оно есть. Так и в Иркутске может чуть иначе пойдет, ведь тогда в прошлом, вернее будущем, не решились на его штурм...

– Дойти до него нужно вначале, нам пока топать и топать. – Император прилег на кровать. – Туши свет, Сеня, надо поспать. Полночь скоро, а мы перед рассветом выступаем...

Назарово

(1 января 1920 года)

– Вставай же, Семен! Но только тихо-тихо. Есть очень важные новости. – Голос Шмайсера достучался до разума Фомина, а крепкая рука немца растормошила размякшего во сне офицера.

– Что случилось...

Договорить Фомин не успел – жесткая ладонь прикрыла ему рот. А немец склонился и стал шептать на ухо.

– Есть телеграф из Красноярска. Передано, что восстание Политцентра в Иркутске жестоко подавлено прибывшими из Забайкалья бронепоездами и войсками полковника Арчегова. Досталось и чехам – их корпус подписал соглашение с Сибирским правительством Вологодского...

– Что?!!!

– Не ори! Людям еще спать и спать! – прошипел Шмайсер.

– Этого быть не может! Чистейшей воды дезинформация! – Фомин машинально глянул на часы – половина четвертого, он спал ровно четыре часа.

– Я тоже так думал, но проверить надо?! Вот и поляки из Ачинска умотали, так что буксы на вагонах горели. Записи свои подзабыли. Хотя на польском, но читаемо, благо переводчики есть.

– Как ты их раздобыл?

– А мои егеря на что? Взвод конных на станцию и в город днем отправил, информацию собрать, а они у меня толковые и способные. Сам выпестовал! – с откровенной гордостью прошептал Шмайсер.

– Царя разбудишь! – прошипел Фомин и задумался – новости шокировали. А Шмайсер принялся шептать прямо в ухо:

– А знаешь, друже, как эта Сибирская армия еще именуется?

– Нет. А как?

– Императорской. И вернулись там к чинопроизводству до марта семнадцатого. Вот так-то! Наш «фон» Бимман со мной согласен – он тут по своей линии всех подряд шерстит.

– Ни хрена себе, попил водички, – потрясенно сказал Фомин. Он окончательно проснулся и знал, что уже не уснет. Новости ошарашили кипятком. Капитан к фантазиям не склонен – он уже год негласно занимал должность начальника разведки дивизии и ни в чем подобном уличен не был. И главное, что Бимман, то есть полковник Георгий Николаевич Юрьев, тоже

чистокровный немец, взявший фамилию жены в пятнадцатом году на волне германофобии, от которой Петербург Петроградом стал, с ним был в том согласен.

Это сразу заставляло задуматься – бывший помощник полицмейстера, а сейчас начальник Шмайсера по разведке, контрразведке и прочим «грязным» делам был расчетлив и к «пустышкам» совершенно равнодушен. Даже в отступлении, где бы ижевцы не проходили, он занимался вербовкой агентуры, оставляя ее на будущее.

– Надо Мики разбудить...

– Да не спит он, – чуть слышно хихикнул Шмайсер, – сразу проснулся и теперь подслушивает нас.

– Я не подслушиваю, а осведомляюсь, – тихо произнес Михаил Александрович и присел на кровати. Спросил нарочито равнодушно:

– Так что нам делать, барон?

– Первым делом надо разбудить денщика, принести горячей воды и наточить бритву...

– Это зачем? – дружно выдохнули «Михайлов» и Фомин, воззрившись на немца так, словно тот спятил.

– Побрить тебя, ваше величество. Пора настала в царственный вид приводить, мундир сменить, а золотые погоны генерал-лейтенанта я тебе давно раздобыл, даже две пары. И униформу соответствующую, не босяком же русскому царю ходить.

– С чего ты решил? Ты же раньше настрого запрещал мне бриться!

– Сменилась ситуация, появились новые для нас вводные. В Красноярск вошли минусинские партизаны, коих поднимают на восстание этими листовками. Прочти, государь, очень интересно, прямо захватывающе.

Михаил Александрович взял в руки листок бумаги, который ему сунул Шмайсер, зажег свечку и принялся читать, беззвучно шевеля губами. Потихоньку его лицо вытянулось в гримасе бескрайнего удивления.

– Как это понимать прикажете? «За царя и советскую власть»?! Меня признали Троцкий и Ленин, и лишь Колчак упрямится?! Что это за чушь?!

– За этой, как ты сказал, чушью стоят двадцать тысяч штыков – сила нехилая, а по местным меркам мощь неимоверная. Пора большевикам своей демагогии отведать, пусть она как бумеранг к ним вернется.

– Ты хочешь...

Фомин недоговорил, задохнулся словами. Ну и Шмайсер, ну и сукин сын. Предложение было восхитительным, но в нем имелся только один недостаток. Один, но решающий.

– А если это не более чем слухи? И в Иркутске господствует Политцентр, а не это ново-явленное Сибирское правительство? – Михаил Александрович тоже уяснил, где слабое звено.

– Тогда будем прорываться с боем. А красных «тепло» встретят одуроченные ими крестьяне.

– Нужно тебе срочно легализоваться, Мики. Сейчас каждый час дорог! – На помощь Шмайсеру пришел Фомин. – Под твоё начало все встанут с охотой, у отчаявшихся людей сразу появится надежда. Грех не воспользоваться моментом, а это хороший шанс. И Ачинск брать – он ключ ко всему.

– Надо собрать на площади всю бригаду, все другие части, всех селян. Ты им скажешь, что, видя людские беды и все такое, решил взять на себя власть и даруешь народу все...

– Как все?!

– Все, что захотят, то и даруешь. Пусть налоги не платят, обещай все. Но только пусть за тебя встанут. И про Сибирскую армию скажешь, что идет на помощь. И то, что Ленин и его шайка обманывают...

– Про большевиков сказать можно, но такое обещать я не смогу, это же ложь, как эта листовка.

– Мики, не будь чистоплюем! – Фомин напал на императора с другого бока. – Нужно спасать людей, спасти хотя бы Сибирь! Ты же слово дал, что наши смерти не забудешь?!

– Ты же не лгать будешь, а вещать. Но про сроки говорить зачем? Нам, главное, удержаться. Если Арчegov не придет, пойдем до Байкала. Если же идет – примем бой здесь, захватим Красноярск. В городе огромные склады и артиллерия. И спасем всех беженцев – пути на Красноярск забиты эшелонами, а там женщины и дети. А для начала попробуем Назарово поднять – село богатое, народ здесь зажиточно живет. Затем на Ачинск двинемся – нельзя его красным оставлять – иначе третья армия в окружении погибнет.

– В селе солдат и обозников из разных дивизий тысячи три народа. Половина на ногах крепко держится, можно в строй ставить. Еще Барнаульский стрелковый полк полковника Камбалина подходит, – шепот Шмайсера был преисполнен надежды и лихой веселости.

– Сотни три штыков наберется? – сразу спросил Фомин, цеплявшийся за любое пополнение.

– Полторы тысячи человек, из них чуть больше тысячи штыков. Хороших солдат. Они с Алтая отходят. Нужно срочно брать полк под свое начало. Решайся же, государь?! Наша дивизия за тебя насмерть встанет!

– Хорошо. Но смотрите, друзья, под монастырь не подведите! – после долгой мучительной паузы отозвался император. Затем вытащил свой чемодан, открыл его, порылся и извлек две пары золотых погон и сверкающий золотистый сверток адъютантских шнуров.

– Мне их покойная жена сделала, еще в Брасово, – император тяжело вздохнул, словно вытаскивая из себя слова. – Я их сберег. И для вас хранил! Не примете – смертельно оскорбите. Возьмите.

– Это же штаб-офицерские, а я капитан, – растерянно вымолвил немец, держа в руке погоны.

– Флигель-адъютант, на них мой вензель, жена вышивала. Ты чего молчишь, Семен Федотович?

– Так трудновато себя генерал-майором ощущать, ваше величество! Но плох тот полковник, что не мечтает стать генералом.

– Это выше, намного выше обычного генерал-майора. Это погоны генерал-адъютанта, вензеля мои, аксельбанты соответствующие. Ну, господа?

– Благодарю, ваше величество. Отслужу. – Глаза циника Шмайсера чуть подернулись влагой. Он начал прикреплять новые погоны к старой шинели. Этой же операцией занялся и Фомин. Вот только радости он не чувствовал от свалившегося на плечи генеральства. Зато пятая точка прямо отчаянно вопила, что спал он четыре часа в последний раз, и больше такого не предвидится.

Шмайсер вышел за дверь, и через пару минут вернулся с заспанным денщиком. Тот моментально проснулся, когда узнал, для чего его привели. И сразу засуетился с нескрываемой радостью – споро натащил горячей воды, наточил бритву и принялся с мастерством опытного цирюльника приводить императора в соответствующий вид.

Свежеиспеченный флигель-адъютант принес какой-то баул, извлек новую генеральскую шинель на красной подкладке и великолепную каракулевую папаху. Затем достал из резко похудевшего мешка новенькое обмундирование, причем довоенное, из отличного сукна.

И, насвистывая под нос, стал прилаживать на китель и шинель золотые генеральские погоны с тремя звездочками. Фомин радостно выдохнул – все немец предвидел, как и то, что императору ходить в затрапезном виде, даже две пары погон где-то упер. Ибо покупать такие вещи Шмайсер стал бы только под страхом смерти...

– Господа офицеры! – Отчаянная команда кого-то из опомнившихся штабных хлестанула кнутом. Все с оторопелым видом посмотрели на Семена Федотовича, вернее, на его широкие плечи, в золотом сиянии генеральских погон с императорскими вензелями.

Но тут в освещенную залу вошел совершенно преобразившийся император, побритый, в генеральском мундире. Все разом впали в столбняк, даже всегда решительный генерал Молчанов. Некоторые усиленно заморгали, кое-кто потер глаза, словно хотели отогнать видение.

– Генерального штаба подполковник Ефимов! Приказываю немедленно вступить в должность начальника штаба Ижевско-Воткинской дивизии.

– Есть, ваше императорское величество! – Невысокий худощавый офицер с русой бородкой щелкнул каблуками.

– А вам принять второй батальон от полковника Ефимова. – Император повернулся к высокому крепкому капитану.

– Есть, ваше императорское величество!

– Викторин Михайлович! Прошу вас немедленно построить дивизию и все подразделения, что стоят в Назарове. Прикажите собрать местных селян – мне нужно поговорить с людьми.

– Есть, ваше императорское величество!

Фомин заметил, как радостно блеснули глаза молодого генерала. Видно было, что Молчанов испытывал чудовищное облегчение, ведь многомесячный затянувшийся маскарад был в тягость не только всем ижевцам и воткинцам, но и ему тоже. Но маска окончательно сброшена – и лица собравшихся офицеров и солдат озарились надеждой...

Глава первая

Но бывает день один...

(2 января 1920 года)

Кемчуг

– Пся крев! Эти гусситы обрекают нашу дивизию на истребление, пан Казимир. – Офицер в мундире польской армии, в наброшенной на плечи шинели, медленно прошелся по салону вагона, в ярости похлопывая перчатками по ладони левой руки.

– Я их понимаю. – Сидящий за столом Казимир Юрьевич Румша, бывший полковник русской императорской армии, ныне ставший командующим пятой польской дивизии, которую именовали Сибирской, чуть улыбнулся краями губ. Вот только радости совсем не было в этой ухмылке полковника, одна злоба на вчерашнего союзника.

– Я их прекрасно понимаю, – повторил Румша. – Польша лишится нашей дивизии, зато пшекленты гусситы получают три своих. Прекрасный аргумент для решения проблемы Тешинского княжества. Курва маць!

Поляки были сильно недовольны созданием Чехословакии, ведь в Версале в ее пользу, не думая долго, обкорнали соседей. От побежденной Германии отрезали Судеты, в которых на одного чеха приходилось по пять немцев, а от новообразованной Речи Посполитой нагло оторвали Тешин, где проживавшие испокон веков поляки доминировали над «братьями» чехами.

– Дальше Иланской наши эшелоны сейчас не пройдут, там создана порядочная пробка из их поездов. – Полковник Валериан Чума, командующий всеми польскими частями в Сибири, остановился и уселся за стол.

– Они отказались пропустить даже семь эшелонов с семьями, ранеными и больными. А генерал Жанен приказывает нам ждать, пока с полковником Арчegovым не будет заключено соглашение о пропуске всех чешских составов за Байкал.

– Это как бальзам на душу, – Румша хихикнул, – надеюсь, что ушлый казак ограбит их эшелоны основательно. Пусть чехи от жадности удавятся.

– Чему радуешься?! – грубовато резанул Чума. – Распотрошив двести чешских поездов, он примется за наши пятьдесят, если мы все же доберемся до Байкала. И нам придется отдать добро, лишь бы выбраться из этой Сибири, где сопли в носу замерзают.

– А может, и не придется, – задумчиво протянул Румша. – Может быть, мы все сохраним и в накладе не останемся. Да еще колчаковского золотишка вытянем из Сибирского правительства.

– Как?! – Чума оторопело посмотрел на собеседника. – Что ты имеешь в виду, пан Казимир?!

– Плюнуть на чехов и Жанена и попытаться договориться с русскими напрямую. Я еще не уверен, но в штурмовом батальоне все жолнежи клянутся, что в Ачинск сегодня ночью вошла Ижевская дивизия и отбила наступающий авангард красных. Это позволило нашим бронепоездам и батальону уйти на станцию Чернореченскую, где расположился штаб генерала Каппеля. Теперь части третьей белой «армии» – Румша иронично надавил на последнее слово – смогут вырваться из ловушки!

– Допустим, – отозвался Чума, – но впереди Красноярск. А мы с эсерами уже заключили перемирие за пропуск наших эшелонов. Взять его штурмом колчаковцы вряд ли смогут – ты сам видишь, какой бардак у них творится. Нет, они обречены.

– Не спеши их хоронить, Валериан.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь, кто командует белыми в Ачинске?

– Нет! Я только приехал из Красноярска и еще не в курсе.

– Сам император Михаил Александрович! Вот так-то!

– Ох ты, – Чума даже привстал с кресла. – А не новый ли Лжедмитрий он, часом? Кто знает...

– Нет, это исключено. Два офицера его уверенно опознали. Кроме того, у местных селян на стенках имеются портреты царской семьи. Вон там, на столике, один лежит, я специально взял.

– Пся крев, – снова выругался Чума, но в голосе послышалось облегчение. – Это был заговор, и мы его проморгали. И чехи... Ведь войска Арчегова именуются Сибирской императорской армией – а это неспроста.

– И рвутся сюда, – подытожил Румша, – чехи очищают для их прохода один путь. Потому и движение на восток застопорилось...

– Пан полковник. – Дверь в салон отворили, и на пороге вырос поручик. – Срочные депеши из Иркутска. Только что расшифровали.

– От Сыровы?

– Нет, пан полковник. Хотя переданы чешским шифром. Вам от полковника Арчегова. Так же, как и генералу Каппелю. Третья депеша для передачи русскому царю Михаилу от премьер-министра Сибирского правительства Вологодского.

– Давайте сюда! – Валериан Чума протянул руку и жадно впился глазами. Не столько прочитал, а буквально проглотил текст и тут же протянул листы Румше. Тот читал медленнее, но по мере прочтения лицо полковника непроизвольно вытягивалось от удивления.

– Что нам теперь делать? – задумчиво спросил Чума, но в голосе офицера явственно слышалось нескрываемое облегчение.

– Принимать предложение Арчегова. Это единственный выход, другого просто нет. И поможет нам матка Бозка Ченстоховска...

Красноярск

– Господин генерал, красный начдив Лапин на проводе, – капитан Полонский, адъютант генерала Бронислава Зиневича, сильно тряхнул своего начальника за плечо. Тот открыл глаза – но смысл сказанного не сразу добрался до разума. Но когда все же достиг его, генерал тут же сорвался с места, как ошпаренный кипятком таракан.

Полонский брезгливо сжал губы – за последние дни генерал полностью утратил уважение всех офицеров, став безвольной марионеткой Евгения Колосова, главы новоявленной эсеровской власти в Красноярске.

Истеричный и желчный эсер умел говорить хорошо подвешенным языком и хуже того – убеждать. На своем любимом коньке – настоящем рассвете Сибирской государственности, если «общественностью» будет установлена «демократическая» власть, он вовлек генерала в восстание против Колчака. Еще бы – убрать «контрреволюционного правителя», взять власть в свои руки и убедить красных, что «розовый» Красноярск станет для них союзником, и потому нет нужды на него наступать.

Разагитировав разложившиеся сибирские части, эсеры вовлекли их в переворот. Вот только через три дня вся затея стала трещать по швам. Солдаты им не захотели подчиняться, а когда Зиневич стал убеждать, как «сын рабочего и крестьянина», его просто послали на извечные три русские буквы, силой выпроводив из казарм.

Полонский усмехнулся – надо же, выискался сынок двух папашек. Теперь гонористый поляк относился к патрону со скрываемой брезгливостью, как один шляхтич может презирать другого, замазанного грязью и дерьмом. События последних дней его еще больше убедили в том, что он сделал большую ошибку, поставив не на ту «лошадь». Тем более что вчера в Крас-

ноярске стало известно, как полковник Арчegov распотрошил Иркутский Политцентр, нанеся при этом поражение чехам.

Создание Сибирского правительства во главе с Вологодским окончательно добило химеру «розовой власти». Вот только договориться с Иркутском у Колосова не вышло – премьер-министр пригрозил отдать его под суд вместе с Зиневичем за содействие большевикам. А в присланной позднее телеграмме Арчegovа эсерам и предателю генералу (уже за измену Сибири!) настоятельно предложили самим вернуть ситуацию к «статус-кво», чтоб уберечь жизни от знакомства с виселицей.

В последней отчаянной попытке хоть как-то сохранить уже не власть, а саму жизнь Колосов связался по телеграфу с командиром 30-й стрелковой дивизии красных, что подходила к Ачинску. И те вышли сейчас на связь – в соседней комнате застрекотал телеграфный аппарат, поползла бумажная лента. Разговор вел сам Колосов, а генерал только читал адресованные им комдивом Лапиным слова...

– Завтра мы возьмем Красноярск. Белые окружены. Ни на какие соглашения мы не пойдем, – голос Зиневича дрожал от нескрываемого страха. Еще бы – с востока грозят петлею, отступающие по Транссибу колчаковцы просто расстреляют как изменника, а партизаны Щетинкина, что подошли к городу с юга, грозят перебить всех «буржуев», а генерала сварить в котле.

И это была не пустая угроза – в Красноярске «общественность» тряслась от страха, когда до нее дошло сообщение, что в Кузнецке партизаны вырезали половину населения города.

– Передайте им наше пожелание, – послышался умоляющий голос генерала Зиневича.

– Что передать? – Голос Колосова дрожал не меньше. Эсеру тоже было страшно – последняя надежда обрушилась карточным домиком.

– Что мы согласны отдать им всю полноту власти, но только после подхода частей регулярной Красной армии. Ведь власть пока у нас...

Полонский улыбнулся – расчет верный. Вряд ли торжествующие красные поставят к стенке человека, что предал белую армию. Иуды всегда в цене, и большевики охотно таких миловали. До поры до времени...

Аппарат застрекотал, и надиктованное Колосовым сообщение ушло. А через минуту пришел ответ, выползающий белой лентой из аппарата. Лента в дрожащих руках генерала заходила ходуном, будто тот взял живую гадюку.

– Что они пишут?! – В голосе Колосова зазвенела истерика.

– Тут только... Тут только написано, – генерал справился с приступом паники и тихо сказал:

– Мавр сделал свое дело...

Черемхово

Через вагонное окошко по купейным дверям прыгали солнечные зайчики. Ясный зимний день быстро набирал свою силу, жить бы да жить и радоваться детскому смеху да кататься с ребятишками с крутой горки. Мечты, мечты – как они сладостны, без них люди в одночасье превращались в стариков с потухшими взорами.

Только за вагонными стенками стояла совсем иная жизнь, в которой детским мечтаниям не оставалось места. Черемховская станция была буквально забита воинскими эшелонами, состоящими из теплушек и платформ. Рядом грозно высились корпуса бронепоездов, угрожающе топорщивших орудийные стволы в цилиндрических башнях, с накрашенными поверх бело-зелеными нашлапками новоявленного Сибирского государства.

– Ваше превосходительство! С телеграфа доложили – от Иркутска отправился правительственный поезд. Сюда едут министры Михайлов и Яковлев, с ними и контр-адмирал Смирнов. На станцию Зима прибыли «Блестящий» и «Быстрый». Далее дорога плотно забита составами.

Чехи только начали растаскивать эшелоны с нашего пути. Майор Белых докладывает, что наша ветка сейчас полностью свободна для прохода.

Молодцеватый подпоручик с забинтованной рукой на черной косынке и аксельбантом адъютанта на правом плече замер, восторженно глядя на молодого, чуть старшего в годах, крепкого и уверенного в себе полковника Арчегова, командующего Сибирской армией.

Потому и обращение было как к генералу, а интонацией офицер выделял – генералов и полковников у нас много, но командующий один. Да с такой заслуженной славой, что армия его на руках носить готова!

– Хорошо, поручик. Скажите полковнику Степанову – пусть поторопит в Головинской и Заларях приемку грузов от чехов. И немедленно отправляет второй батальон стражи для охраны этого перегона. И прошу не беспокоить нас с адмиралом в течение часа! Выполняйте!

Полковник медленно достал из кармана куртки портсигар, вынул папиросу. Чиркнул американской зажигалкой, закурил, глубоко затянулся. Выдохнул густой клубок дыма, неторопливо затянулся еще несколько раз и через минуту искоса глянул по сторонам.

Коридор был уже пуст на всю длину, двери в тамбура плотно закрыты. Исчез и адъютант Колчака лейтенант Трубчанинов, и начальник личной охраны адмирала Удинцев, до того маячившие у дверей первого купе. Полковник усмехнулся – десантники выполнили приказ взять все под охрану буквально, он их хорошо вымуштровал за эти горячие дни.

– Двух недель не прошло, как я здесь. Но как давно это было! И все поменялось, – тихо пробормотал под нос полковник Арчегов и еще раз усмехнулся в густые усы.

– Как интересно жить. Все страннее и страннее, сказала бы Алиса...

Тринадцать дней назад, но на три четверти века вперед, он, Константин Иванович Ермаков, отставной подполковник ВДВ, инвалид с напрочь подорванным здоровьем, трижды раненый, обгоревший и контуженый, еле таскал ноги по убогой квартирке, собираясь в дорогу.

Родное государство, олицетворением которого стал для него генерал с похабной кличкой «Пашка-Мерседес», выжало его как лимон и после полученных в чеченской войне ранений безразлично выбросило на нищенскую пенсию молча подыхать.

А в родном Иркутске его уже ждали стервятники, раскинув в стороны длинные крылья, – бывшая жена и пьяница шурин, ее младший брательник, что слюной изошлись, ожидая, когда он, наконец, даст «дуба» и очистит для них квартиру. Шурин, с надеждой организовать ему скорейший кирдык, устроил поездку на Кругобайкалку, где в одном из урочищ над Ермаковым покамливал старый шаман, по совместительству ремонтник.

– Спасибо тебе, Цыремпил, – сразу вспомнил добрым словом полковник бурята. Здоровье тот ему не вернул, но по невероятному мистическому стечению он, Константин Ермаков, вернее, его разум, память и душа, вещи насквозь нематериальные, оказались в теле полного тезки, только с фамилией Арчегов. Терского казака, командира дивизиона бронепоездов атamana Семенова, родившегося на семьдесят лет раньше его самого. К тому же новое крепкое тело кадрового офицера кавалериста было на десять лет моложе и без выматывающих душу и нервы болячек.

– Сбылась мечта идиота, от одной войны на другую, – тихо пробормотал под нос офицер и снова поглядел по сторонам. Посмотрел по привычке – сейчас ему следует быть настороже и не пропустить главного. А воспоминаниям предаваться не стоит, хотя память услужливо пролила бальзам на душу – приятно вспомнить, как были раздолбаны в пух и перья спесивые и вороватые потомки гуситов...

Тихий щелчок спускаемого курка нагана донесся через закрытую дверь подобно удару колокольного била. Полковник улыбнулся – адмирал не стал затягивать свое земное существование, расписался в собственном бессилии, поставив жирную точку.

Теперь медлить было нельзя – не дай Бог, у Колчака в кармане завалялся настоящий патрон, а не тот, вываренный в воде, что ловким фокусом подсунил ему Ермаков. А потому Константин Иванович живо повернулся и рывком открыл купейную дверь в сторону.

– Полковник, у вас не найдется другого патрона? Этот дал осечку. – Голос адмирала даже не дрожал, хотя лицо было бледным.

Наган мирно лежал на белой салфетке, что накрывала маленький вагонный столик. Рядом был раскрыт портсигар, в пепельнице аккуратно затушена папироса. И запечатанный конверт с четко прописанной на нем надписью – «Передать моей семье».

Китель Колчак уже застегнул на все пуговицы – бывший Верховный правитель России не хотел даже в такой момент дать малейший повод усомниться кому-либо в его решительности и собранности.

– Патроны ваши, Александр Васильевич, а не мои. Разрешите? – Не дожидаясь кивка адмирала, Ермаков присел на противоположный диванчик. Засунув пальцы в нагрудный карман, он вытащил патроны и высыпал их на стол. Взял в руки наган и сноровисто зарядил. Пристально посмотрел на адмирала, что невидящим взором уставился в оконное стекло.

– Александр Васильевич, я могу поговорить с вами откровенно? Это не займет много времени, но имеет огромную важность для будущего России, единой и неделимой...

Последние слова будто плетью ожгли адмирала – он резко повернулся к Арчегову, крылья носа гневно затрепетали.

– Вы говорите о единой и неделимой России?! Вы, полковник?! А не вы ли инициировали создание Сибирского правительства?! Не с вашим ли участием объявлено о независимости Сибири?!

Именно этой гневной вспышки и добивался Ермаков – минуту назад адмирал свел все счеты с жизнью, и сейчас было важно вытряхнуть из него это состояние. Что угодно – гнев, ярость, упреки, но только не этот потухший взор и смертельно уставший голос.

– Конечно, Морской корпус, где учились вы, господин адмирал, более привилегированное заведение, чем Елизаветградское кавалерийское училище, которое окончил я. Но, надеюсь, что и в морском деле есть такие понятия, как военная хитрость и выигрыш времени. Ведь есть?

– Что вы имеете в виду?! – Адмирал резанул взглядом, словно кортиком, его лицо на секунду напряглось, затвердели мышцы.

– Провозгласив свою приверженность принципу единой и неделимой России, белое движение подписало смертный приговор самой России. Не торопитесь, Александр Васильевич, сейчас я все обосную. Разговор у нас более чем серьезный, а потому я прошу вас о полной конфиденциальности.

– Хорошо, Константин Иванович. – Адмирал раскрыл кожаный портсигар, извлек папиросу. Пододвинул к Арчегову пепельницу. – Курите, полковник, да и я с вами покурю.

– Благодарю, – Ермаков чинно закурил, выдохнул дым в сторону от адмирала. Устроился на диване, чуть поерзав, удобнее.

– Самые злейшие враги России – это ее союзники. Сейчас сбылась заветная мечта англичан, которые наконец-то добились развала нашей державы. Россия охвачена смутой, погрязла в междоусобице – пусть глупые русские мужики режут друг друга подольше, а джентльмены будут решать свои дела. Потому-то появилась на российских окраинах добрая полудюжина новых государств, которые находятся под защитой британской короны. Они не стали помогать белому движению. Я имею в виду серьезную помощь – ведь красные, по существу, сыграли на британские интересы. Согласны?

– Не могу возражать, – задумчиво протянул Колчак. – Они всячески тянули даже вопрос о признании нашего правительства де-факто. Что же говорить о признании де-юре...

– Остальные союзники не лучше, все они также пытаются удить рыбу в мутной воде. Япония пытается откусить от нас какой-нибудь кусок, вроде северной части Сахалина, Камчатки

или КВЖД. Американцы, следуя принципу – враг моего врага, мой друг – исподтишка вооружают партизан. Да, адмирал, не удивляйтесь. Раз красные воюют с японцами, то в интересах САСШ всячески вредить последним. А это сильно цепляет рикошетом и нас. Французы же умеют считать деньги, а раз мы не в состоянии не только платить по старым долгам, а вообще платить, кредиты нам не предоставят. А за поставки требуют золото. Миром правит экономика.

Ермаков саркастически скривился, небрежно затушил окурок. И тут же закурил новую папиросу. Затянулся, выпустил из легких густой клубок дыма и тем же тоном продолжил говорить:

– Теперь красные. Они страшный противник, в этом мы все убедились. Беспринципные демагоги, обещают все и сразу, а когда нужно, то тут же отрекаются от своих слов. Лев Троцкий как-то сказал, надо уметь доставать принципы из кармана, и вовремя прятать в нужный момент. А потому наша принципиальность вчистую проиграла схватку с их беспринципностью. Победить большевиков можно только их же методами. Вопрос лишь в одном – в цене такой победы! Нужна ли она нам? И сами мы останемся ли после этого нравственными и нормальными людьми?

Ермаков сознательно затянул паузу, но адмирал на уловку не поддался и комментировать или критиковать не стал. Колчак молчал, задумчиво потер переносицу и закурил новую папиросу. Пауза затягивалась, и полковник решил закончить прелюдию и перейти к главному.

– «Единая и неделимая Россия» является страшным пугалом для всех наших союзников, в том числе и потенциальных. Все эти лимитрофы – Эстония там или Латвия – до ужаса боятся большевиков, с программой которых они ознакомились на собственной шкуре. Лишь посылка Англией флота предотвратила их советизацию. Упомяну также Польшу, столкновение которой с совдепией вопрос только времени. Паны выжидают краха белого движения, чтоб прибрать в свои руки Белоруссию и Украину. Надо сказать честно – они уже своего момента дождались...

– Вы хотите сказать, что мы... Мы, – Колчак вскинулся, чуть слышно заскрипел зубами от сдерживаемого гнева, – потерпели катастрофу?

– Полнейшую! Как шведы под Полтавой! – с безмятежным видом резанул Ермаков. – Юденич разбит и отвел войска в Эстонию. Деникин отступил уже к Ростову, может быть, ему удастся отстоять Крым. Миллер держит Колу, но это вряд ли надолго затянется. Про Сибирь я не говорю – вы сами видите, что здесь происходит...

– Знаю, – с горечью и язвительным гневом сказал Колчак. – Вы тут тоже приложили руку и решили пре... то есть сдать наши умирающие армии.

– Предать?! Вы же это слово хотели сказать, Александр Васильевич?!

– Предал бы Политцентр, это да. А вы... Вы просто решили выйти из игры. Но вы зря надеетесь, что большевики вас оставят в покое...

– Не надеюсь. Они никого в покое не оставят, пока весь мир не большевизируют. Или пока им осиновый кол в могилу не вобьют, что намного вернее. Но это так, поэтика. Мы же с вами люди военные, ваше превосходительство. А потому давайте говорить открыто и конкретно.

Ермаков решительно затушил папиросу, глянул адмиралу прямо в глаза. Колчак тоже собрался, щека дергалась тиком, и было видно, что адмирал с трудом сдерживает ярость.

– Объявив независимость Сибири, мы, – полковник выделил местоимение, – выигрываем время. Нужно создать за год более-менее приемлемые условия жизни, обеспечить населению спокойствие и порядок. Вы меня упрекнули за бойню, которую устроили мои солдаты в этом городе. Но это не так – военное положение позволило нам начать наводить порядок. Мятежные шахтеры едва составили половину убитых, другая половина состоит из преступного элемента, которым наводнены наши города и с которыми ваше правительство почти не боролось. И зря – криминал не менее опасная зараза, чем красные. Повсеместные грабежи и убийства подорвали

у населения веру в вашу власть, господин адмирал, не менее чем военные неудачи вверенных вам войск. А то и более...

– Нельзя творить беззаконие, полковник. Ваши методы очень похожи на большевистский террор. Мне сказали, что только здесь ваши солдаты перебили несколько сотен человек. И еще в Иркутске...

– Вы не правы, адмирал. Это они развязали террор против обывателей, а мы ответили тем же. С моими солдатами задействованы бывшие чины полиции и жандармерии, которых мобилизовали поголовно. Смею вас заверить, что это настоящие профессионалы своего дела. А потому удалось в кратчайшие сроки ликвидировать сотни уголовников и каторжан, разгромить десятки притонов, хаз и малин. Перевешали множество скупщиков краденого, у них конфискованы ценности на огромные суммы. И вот результат: утром мне подали сводку по МВД, а я с ними обязательно знакомлюсь, стараюсь быть в курсе событий – в Иркутске вчера за сутки произошло только одно убийство и два грабежа. Всего! А в начале декабря за одну ночь фиксировали до сотни преступлений. Все виновные задержаны патрулями, их оказалось четыре человека, и они были расстреляны без промедления. Сейчас не время миндальничать, играть в правосудие, адвокатов и прочий гуманизм...

– Вам не откажешь в решительности, господин полковник...

– Иначе нельзя, власть должна быть сильной, либо она будет обречена. Но хватит об этом. Вернемся к тому, с чего начали. Декларировав независимость, мы уже сейчас получили поддержку Японии. Поставки оружия и снаряжения начнутся через месяц, кроме того, японцы помогут навести порядок на железной дороге, с доставкой медикаментов и многое другое. То, от чего вы раньше отказались, делая ставку на союзников. Подождите, господин адмирал, я не упрекаю вас, и тем более не осуждаю, я констатирую факт. Далее – вы видели, во что одеты мои солдаты? Американцы передали нам за последние дни более двух десятков вагонов с обмундированием и оружием. Сами предложили! Сейчас решается вопрос о закупке в САСШ военной техники – танков, боевых катеров, аэропланов и многого другого. Думаю, что через пару месяцев мы получим искомое.

– Вы уверены? – По лицу Колчака пробежала усмешка, и он почти незаметно фыркнул.

– Полностью, – Ермаков энергично кивнул. – Это год назад Сибирь в глазах союзников не имела значения, как Золушка, лишенная всех прав. А теперь ситуация изменилась – за богатой невестой ухаживают, ей стараются понравиться, ибо она другого жениха может выбрать. Япония и САСШ это сразу поняли, думаю, и любители пудинга с лягушатниками уже сообразили.

– Для чего вы мне это рассказываете? Желаете, чтобы я одобрил ваши действия по расчленению России?

– Господа побойтесь, ваше превосходительство! И слово же вы нашли, прямо душегубом себя ощущаешь. Я к тому говорю, что нами сделано все возможное, и союзники уже всерьез решили, что Сибирь полностью отделилась от России. Но именно это и называется военной хитростью, в которую поверили все, и вы с ними, ваше превосходительство...

– Что?! Что вы сказали?! – Напускная броня ледяного спокойствия впервые дала брешь, изумление в голосе Колчака прорвалось явственно. Адмирал даже заморгал глазами, будто заново стал ребенком, которому показали интересную игрушку.

– Именно сейчас сложилась ситуация, когда у бело го движения появились реальные шансы переиграть этих шулеров с их краплеными политическими колодами. Нас, я имею в виду Сибирское правитель ство, они, несомненно, полностью поддержат. Ведь добрая четверть, если не треть, территории Российской империи, с мизерным трехмиллионным населением, стала для них лакомым куском. Еще бы, такой вкусный пирог! Подавятся, как Бобик костью! Колонией мы не станем – слишком много жаждущих, локтями друг друга отпихивать будут.

Ермаков замолчал, закуривая очередную папиросу, бросив короткий взгляд на Колчака. Увиденное ему понравилось – адмирал крепко задумался, а это было хорошим признаком, ибо гнев – плохой советчик.

– И на большевиков нажмут, чтоб те на нас сильно не давили. Воевать с красными мы не в состоянии – слишком несопоставимы людские и материальные ресурсы. Сейчас не в состоянии, – увидев мгновенно пробежавшую по лицу Колчака тень, Ермаков добавил:

– Нам хотя бы год передышки. За это время покончим с партизанами, устроим тыл, перевооружим и подготовим кадровую армию. Тем более войска Каппеля сейчас почти небоеспособны – им нужен долгий отдых. Люди устали, вымотались, свирепствует тиф. Нужно обустроить всех эвакуированных – а их уже чуть ли не триста тысяч. Нет, сейчас мы не то что освободить от большевиков Сибирь, и тем более Россию, сейчас мы больше пары месяцев воевать не сможем, да и то, не столько атакуя, а отбиваясь.

– Чем обусловлен такой срок, и почему только в обороне? – глухо спросил адмирал таким тоном, что походило больше на утверждение, словно сам Колчак заранее знал ответ на свой вопрос.

– Запасов не хватит. В Иркутске эсеры в свое время придержали поставки на фронт вашим войскам, что, конечно, не могло не отразиться на ходе кампании. Но с другой стороны, их саботаж сейчас принес великое благо – мы сможем полностью снарядить до двадцати тысяч солдат. Склады по железной дороге от Иркутска до Нижнеудинска буквально забиты, и сейчас чехи передают их под нашу охрану.

По лицу Колчака снова пробежала тень – Ермаков понял, что его завуалированный упрек достиг цели – ведь в Омске отступающие войска Колчака оставили красным колоссальные запасы оружия и снаряжения. Радио из Москвы ежедневно перечисляло захваченные трофеи.

– Кроме того, чехи передают нам все вооружение, боеприпасы и снаряжение своего корпуса. Часть из них мы используем для собственных нужд...

– Почему только часть? Не хватает солдат?

– Не только! Мы уже готовим два корабля для отправки в Крым – они повезут через неделю это вооружение и прочее добро генералу Деникину.

– Так-так, – задумчиво протянул адмирал и бросил на Арчегова быстрый взгляд. Как показалось полковнику, в глазах Колчака сквозил теперь не гнев, а нечто похожее на уважение, и даже признательность. И Ермаков решился – теперь можно было задать главный вопрос, ради которого он и устроил Колчаку такое жестокое испытание.

Ачинск

– Как же фы так проморгали их фыступление?! – с чувствительным прибалтийским акцентом в скрипучем голосе спросил молодой командир в длинной кавалерийской шинели. На рукаве были четко видны под нашитой звездой два красных ромба – знаки отличия начдива. Так сокращенно в Красной армии именовали начальников дивизий.

– Командир третьего батальона прошляпил. Перед рассветом начбриг Грязнов повел свои полки и кавдив Рокоссовского в преследование второй армии, оставив в городе и на станции третий батальон из 262-го полка. Утром внезапно атаковали белые, обложив наших. Из батальона спаслось с десятков красноармейцев, уж больно атака была внезапной, товарищ Лапин.

– А фы тумали, что они претупрежтать бутут?

– Виноват, товарищ Лапин!

Пожилый, лет сорока пяти дядька, с мозолистыми рабочими руками, трема кубарями батальонного командира на обшлагах серой многострадальной, прожженной во многих местах шинели, потупил глаза перед своим молодым командиром.

Даже возмутительно молодым – но такова любая революция. Дерзким и агрессивным, стремящимся к кардинальным переменам, она всегда открывает дорогу. Латышу Альберту Лапину, русифицировавшему свою фамилию в более удобную, было только двадцать лет.

В октябре семнадцатого он вступил в Красную гвардию, принял участие в московских боях. Через полтора года уже командовал полком, а после взятия Омска ему дали дивизию. И не зря – энергии молодежи не занимать, и 30-я дивизия неумоимо преследовала белых вдоль железной дороги, громя слабые арьергарды и захватывая набитые добром эшелоны.

Отступавшие колчаковцы почти не сопротивлялись, хоть и было их в несколько раз больше. Деморализованные целой чередой поражений, они не желали драться, лишь иногда затевали кратковременные перестрелки, отбиваясь от наседавших красных.

Только неделю назад произошел один настоящий бой – у станции Тайга авангард столкнулся с арьергардом польской дивизии, усиленным бронепоездами. Тогда пришлось туго, но поляки вскоре вышли из боя и, пользуясь железной дорогой, быстро оторвались в своих эшелонах...

– Цука, – выругался Лапин сквозь зубы – ведь сам же совершил жуткую ошибку. Переговорив на исходе ночи по телеграфу с Красноярском, «обрадовав» тамошних эсеров, что хуже любой контры, он уехал из взятого внезапным налетом Ачинска, чтобы поторопить отставшие 89-ю и 90-ю бригады. Грязнову приказал преследовать красных всей своей 88-й бригадой, оставив в городе один батальон. И надо же так понадеяться!

Белые последние дни только хаотично отступали, какие там контратаки, тем более ночные. Потому и посчитал начдив, что одного батальона в триста бойцов будет достаточно для охраны станции и города, а к полудню он сам подойдет с отставшими бригадами.

– Сколько их там? Кто? – сумрачно спросил Лапин.

– До тысячи штыков с пулеметами. Погоны синие, ижевцы или воткинцы, другие беляки таких не носят. Мой батальон нарвался на них у станции. Огонь был плотным, пришлось отступить.

В голосе комбата просквозило нечто похожее на уважение или тщательно скрываемую боязнь.

– Цука, – снова выругался Лапин. Как он рвался к городу, занял и профукал тут же. А ведь Ачинск ключ к победе – третья армия белых плетется южнее, отстав уже на переход от второй. Беляков сзади поджигает 35-я дивизия, в Мариинске и Томске сосредотачивается 27-я дивизия. На севере вытянулась лента брошенных колчаковцами эшелонов.

Выход для армии только на северо-востоке, через Ачинск, который он уже занял. Вернее, занимал. И все – попав в окружение, белые или сдались бы, или были уничтожены. Добить вторую армию, что бросила своих, а сама упрется в Красноярск, вопрос времени. Но, видно, кто-то из генералов сообразил и повернул ижевцев с дороги на город.

Целую бригаду бросили, не пожалели – ведь своих спасали. Лапин хорошо знал малочисленность белых формирований, и степень их деморализации. Ну что ж – тогда он разгромит сегодня их последнюю боеспособную часть, а дальше придется только добивать уцелевших.

– Будем атаковать с ходу, – процедил сквозь зубы упрямый латыш. Двух полков 89-й бригады с одной батареей (третий выступил из Томска, смененный там полком из 27-й дивизии) достаточно для занятия города. А потому ждать подхода трех полков отставшей 90-й бригады и еще двух батарей артдивизиона неразумно. Сил больше чем достаточно...

Чернореченская

Через заледеневшее вагонное окно в купе проникал сумрачный вечерний свет. В салоне было тесно от собравшегося здесь генералитета и старших офицеров, остро пахло потом давно не мытых тел, порохом, табаком и витал явственно осязаемый запах полной безнадежности.

Мрачная атмосфера еще больше сгустилась, когда со стула тяжело встал и заговорил невысокий генерал-лейтенант с уставшим лицом и черной бородкой.

– Красноярск не гибель, а одна из страниц борьбы. Скажу больше – это тяжелый экзамен, выдержат который только сильные и верные. Но они будут продолжать борьбу. Крепкие пойдут со мной, и я или спасусь, или погибну с ними. Но если это суждено, то я буду с войсками до конца, и своей смертью среди них докажу им свою преданность.

Словно электрический разряд попал в собравшихся, все разом вздрогнули и засопели. Заходящее солнце кровавыми отблесками производило на души генералов и офицеров тягостное и жуткое впечатление. Нервы напряглись как струны, все присутствующие даже дышать стали через раз.

– Сегодня будет написан приказ, в котором я скажу об обстановке, создавшейся благодаря измене. Этим приказом, кроме того, я разрешу всем колеблющимся и слабым оставить ряды армии и уйти в Красноярск, когда мы к нему подойдем.

Многие генералы с офицерами стали переглядываться, не в силах поверить. Ведь Каппель сказал беспрецедентное. Он призвал фактически распустить армию, оставив в ней добровольцев, тем самым вернуться в лето восемнадцатого года. Ведь многие солдаты удерживаются только чувством товарищества и шли вперед за более решительными. А теперь пойдет массовое дезертирство – ведь все присутствующие уже не помышляли о победе, а старались в отступлении спасти свои жизни.

– Тем, кто останется со мной, я в этом приказе скажу, что нас ожидает впереди только тяжелое и страшное, может быть гибель. Но если останется только горсть, я и ее поведу. Вы поняли – мы должны прорваться!

Все обреченно выдохнули – теперь не осталось даже маленькой надежды. Главнокомандующий сказал, по сути, одно слово – это *конец*!

– Я думаю, вы слишком сгустили краски, Владимир Оскарович! Не все так плохо, как кажется. Наоборот, мы в одном шаге от победы. – Насмешливый и уверенный голос пронзил всех электрическим зарядом.

В раскрытой двери вагона стоял генерал-лейтенант со странно знакомым всем присутствующим лицом. В это нельзя было поверить, но человек перед ними был живой, а не призрак или привидение. Не мистификация или плод воспаленного безумия. И он улыбался...

– Господа генералы!

Звонкая команда вывела присутствующих из состояния паралича – все повскакивали с мест, вытянувшись по уставу.

– Сидите, господа! Семен Федотович, и вы, Казимир Юрьевич, проходите. Я думаю, нам всем предстоит долгий разговор.

Только теперь собравшийся в вагоне генералитет поверил в невероятное – туманные слухи о спасении императора Михаила Александровича оказались правдой, пусть и невероятной, но большинство в нее верили. И теперь надежда получила самое наглядное подтверждение.

– Да сидите же, господа! В ногах правды нет!

Все стали медленно усаживаться на полки и стулья, не сводя глаз с живого императора. И на долю сопровождавшего Михаила Александровича начальника штаба Ижевско-Воткинской дивизии достались удивленные взгляды. Императорские вензеля на генеральских погонах вчерашнего полковника, ведь Семена Федотовича Фомина большинство присутствующих знали в лицо, уж больно яркой у того была репутация, говорили о многом.

– Начну с главного, господа. – Император присел на освобожденный генералом Каппелем стул, что стоял в торце длинного стола, снял с головы папаху, машинально пригладил волосы.

– Восстание «Политцентра» в Иркутске подавлено частями Сибирской императорской армии под командованием полковника Арчегова. Нанесено поражение и второй дивизии чехов,

поддержавшей мятежников. Захвачены большие трофеи и несколько десятков поездов. Литерные эшелоны с золотым запасом и адмирал Колчак освобождены из-под чешского ареста. С командованием союзных войск заключено соглашение, по которому все иностранные части выводятся из Сибири, они обязаны возвратить награбленное, вернуть вагонный парк и освободить железную дорогу.

Невероятное сообщение взорвало совещание генералитета второй армии. Все разом загудели, в глазах безысходность уступила место радостному блеску. Новости оказались просто спасительными!

– Три часа назад я получил телеграмму от премьер-министра Сибирского правительства Вологодского, – Михаил Александрович посмотрел на стоявшего у окна полковника Румшу. Этот взгляд был замечен всеми и правильно истолкован – телеграф давно находился в руках чехов и поляков.

– Правительство сочло мое отречение в марте семнадцатого года недействительным ввиду того, что Учредительное собрание не было созвано в полном составе, а имеющиеся депутаты не могут быть выразителями интересов всего русского народа. А потому я принимаю один из императорских титулов, «его величества» царя Сибирского, ведь на другой территории Российской империи правительство Вологодского не имеет влияния. Пока...

Заявление императора вначале ошарашило собрание, а затем взорвало его радостным гулом. И не могло быть иначе – сама система подготовки кадровых офицеров была построена на девизе – «за веру, царя и отечество». Потому почти все сидящие за столом были монархистами по определению, которым волей-неволей в революционном угаре и хаосе приходилось скрывать свои убеждения. И пусть пока будет царь Сибирский, но возвращение императорского титула уже вопрос только времени.

– А потому волею правительства и исходя из существующих законов я принимаю на себя всю полноту власти главнокомандующего!

Михаил Александрович обвел тяжелым взглядом генералитет, но несогласных среди них не имелось. Наоборот, все еще больше оживились, а генерал Каппель с нескрываемым облегчением вздохнул – чудовищная ноша ответственности свалилась с его плеч.

– Приказываю окончить отступление! Передовые части Сибирской армии начали выдвижение на Нижнеудинск. К Красноярску они прибудут через две, а то и три недели – железная дорога забита эшелонами и ее приходится освобождать. К нам подойдут восемь тысяч штыков и сабель, с пятью бронепоездами, с достаточным количеством пулеметов и артиллерии, в том числе тяжелой. Авангардом командует генерал от кавалерии граф Келлер! Он помощник командующего армией полковника Арчегова.

Фомин спрятал улыбку – пожившие и хлебнувшие лиха генералы напоминали ему расшалившихся, довольных детишек. Наверное, так чувствует себя приговоренный к казни человек, когда его ставят у стенки, вскидываются винтовки, но звучит не залп, а озвучивают полное ему прощение, с последующим щедрым вознаграждением за пережитые страхи.

Имя графа Келлера, как он и рассчитывал, полностью расшевелило генералов. Еще бы – репутация старого кавалериста была такова, что под его начало многие встали бы с удовольствием. А граф прорвется к Красноярску вовремя, иначе просто не может быть, он человек, верный слову.

– Приказываю! Вторую армию свести во второй, третью армию в третий армейские корпуса. Прежние корпуса или дивизии, потерявшие личный состав, расформировать немедленно! Боеспособные дивизии свести в бригады по три батальона в 600–700 человек, не меньше. В каждом батальоне иметь три роты, а также команды конных разведчиков и пулеметную. Бригадам придать по кавалерийскому или казачьему полку, в три эскадрона или сотни, со штатными взводами конной разведки и пулеметным. В полку 400–500 человек. Не меньше! В бригадах доукомплектовать егерскую и саперную роты, технические службы с командой связи.

Нужен хоть один артвзвод из двух орудий, с достаточным количеством снарядов. И это все – на три тысячи человек иметь только небольшой обоз и санитарную команду.

Михаил Александрович обвел взглядом генералов. Те всем своим видом и мимикой как бы говорили ему в один голос: «Куда вы прикажете деть тысячи саней с больными, ранеными, беженцами?!»

– Это только боевая часть бригады, – император улыбнулся, ему были понятны опасения генералов.

– В тыловую часть свести все обозы, распределить беженцев и больных. И сформировать запасной батальон с эскадроном для немедленного доукомплектования боевых частей. Немедленного! Излишки офицеров из расформированных дивизий свести в резервные роты. Их использование на усмотрение командира бригады. В тыловой части иметь не более 4 тысяч человек, из которых одна тысяча должна состоять из боеспособных солдат. Реорганизацию провести обстоятельно, даю вам этот день и следующие сутки на дневку – к утру четвертого выступаем. Командующим вторым корпусом назначаю прежнего командарма – генерал-лейтенанта Войцеховского. Третий армейский корпус примет генерал-лейтенант Каппель!

– Есть принять корпус, ваше величество!

Два молодых генерала, с большими белыми Георгиевскими крестами на шее, поднялись с мест и ответили почти одновременно. И тут же сели на свои стулья, повинувшись взгляду монарха. А Михаил Александрович посмотрел на Фомина, и тот тут же заговорил скрипучим голосом, обращаясь к генералам:

– Во второй корпус входят следующие стрелковые бригады – Камская генерала Пучкова и Уфимская генерала Петрова. Тобольскую группу свести во 2-ю Сибирскую бригаду. В резерве 3-я Сибирская бригада, реорганизованная из 3-й Сибирской Иркутской дивизии. И 1-я кавалерийская бригада, сведенная из остатков 1-й кавалерийской генерала Миловича и 2-й Уфимской конной князя Кантакузена дивизий.

Арьергардные части бывшей второй армии – ижевцы, воткинцы и уральцы, а также сибирские и оренбургские казаки составят первый армейский корпус, командовать которым назначен генерал Молчанов.

В третий корпус войдут Поволжская бригада из остатков Самарской и Казанской дивизий, во 2-ю Уральскую бригаду свести все уральские «дивизии» горных стрелков, и 1-я Сибирская бригада – основой которой будет Омская и 13-я Сибирская дивизии. Всего три бригады. Генералу Каппелю произвести реорганизацию на марше...

– Не хмуритесь, господа генералы! – Михаил Александрович остановил Фомина. – Пусть некоторые дивизии превратятся в один батальон, но от этого мы станем намного сильнее. Да и в прежнее время генералу не зазорно было гвардейским батальоном командовать! В тыловые части отведите самых немощных и уставших солдат, потерявших веру. Лишние обозы приказываю свести в отдельные транспорты. Все, господа! К делу, у нас мало времени! Прошу командующих корпусами остаться, остальные свободны!

Император встал со стула, одновременно с ним стал подниматься и воодушевленный генералитет. Но неожиданно для всех Михаил Александрович заговорил снова, строгим донельзя голосом, тщательно выделяя слова:

– Довести до каждого солдата – отступление закончено! Помощь близка! Действовать энергично и инициативно, безвольных или потерявших веру командиров отрешать от должности немедленно. За пьянство тем более! Жалованье всем офицерам и солдатам будет уплачено золотом, семьи обеспечены всем необходимым! Я это обещаю! Пусть все знают – наше дело правое, большевиков разобьем, победа будет за нами!

Черемхово

– Разрешите спросить вас, Александр Васильевич. О чем с вами говорил государь Михаил Александрович прошедшим летом? Если это не секрет и вы не дали слова хранить сказанное в тайне.

– Его величество предупреждал меня о возможности катастрофы, и почти точно обрисовал то, что случилось с нашей армией сейчас! – Адмирал за секунды почернел лицом, голос стал совсем глухим. Колчак повел плечами и криво улыбнулся.

– Мы встретились на вручении ижевцам Георгиевского знамени. Государь заговорил со мной, но я, к сожалению, не принял серьезно предупреждение. Отвод с фронта первой армии был запоздавшим решением, которое, я только сейчас стал это понимать, и усугубило ситуацию.

– Государь что-нибудь говорил? Или просил, Александр Васильевич? – с деланным спокойствием спросил Ермаков и замер в ожидании ответа.

– Он категорически отказался выезжать за пределы России, хотя я настаивал. Он так и остался с ижевцами. Впрочем, я понимаю его величество – с ними ему безопаснее. А просил...

Адмирал потянулся к портсигару и нарочито спокойно закурил. Хотя это Ермакову казалось, что Колчак раскуривает папиросу медленно, настолько полковник напрягся в ожидании ответа.

– Его величество попросил лишь эвакуировать в Иркутск семьи ижевцев, наиболее опытных оружейников и заводское оборудование. Сказал, что без этого выпуск нового оружия невозможен.

– Вы видели это оружие, Александр Васильевич?

– Да, и даже стрелял из него. Ручные пулеметы на сошках, чем-то похожие на английские «Льюисы», но компактнее и легче, без кожуха. И автоматический карабин под пистолетный патрон Маузера, они его во время восстания на заводе делали, полтора года назад. Автомат Шмайсера, так, если память не изменяет, звучит фамилия конструктора.

Колчак сделал паузу, а Ермаков в душе принял стойку охотничьей собаки, что, наконец, нашла вожака. Но свое растущее нетерпение полковник обуздал – он был уверен, что адмирал расскажет ему все.

– Я распорядился все вывезти, вот только возможностей для производства нового оружия не было. Да и патронов чудовищная нехватка. К тому же американцы обещали наладить поставку пулеметов Кольта.

– И обманули – прислали совершенно негодные «Сент-Этьены»...

– Да, это так, – с нескрываемой горечью отозвался Колчак на реплику Арчегова. – Но и наладить выпуск этого оружия, при нашей бедности технического оснащения – неразрешимая задача.

– Через две недели оружейники обещали изготовить первый образец данного автомата, а к концу месяца освоить мелкосерийное производство. В Иркутске простаивают обозные мастерские, вот мы их и задействовали. Патроны к ним поставят японцы.

После слов полковника Колчак вздрогнул и впервые отвел взгляд в сторону. Ермаков невольно пожалел собеседника – испытать такой стыд не каждому дано. Во время разговора заслуженному адмиралу, неоднократно показавшему промахи и просчеты, которые он допустил, будучи Верховным правителем России. Как котенка, натыкали мордой в лужицу собственной мочи – знай, как пакостить!

– Что вы можете сказать о Шмайсере, Александр Васильевич? – Своим вопросом Ермаков решил отвести Колчака от неприятных мыслей.

– Немецкий офицер, в войну находился в одной из африканских колоний. Михаил Александрович попросил зачислить его на нашу службу в чине капитана. Так же, как другого немецкого офицера, если не ошибаюсь, он принял русскую фамилию своей матери – Фомин, – вое-

вавшего в той же Африке. Я подписал соответствующий приказ. И еще побеседовал с ними – этот полковник Фомин показал удивительный дар предвидения, многое сбылось...

Колчак замолчал, нервно закурил папиросу. Молчал и Ермаков, переваривая услышанную информацию, которая прекрасно дополнила рассказы наскоро опрошенных ижевцев на станции Иннокентьевской.

«Так вот какая у нас Кассандра выявилась. Странные у Михаила Александровича немцы в качестве флигель-адъютантов, с автоматами ППС и пехотными «дегтярями». Они, вне всякого сомнения, спасли императора в Перми от казни. А оружие говорит об одном – эти немцы такие же «попаданцы», как азм, грешный, только стволы как-то протасили. Поговорить нужно с ними серьезно», – надолго задумался Ермаков, смоля очередную папиросу, от которых во рту стояла горечь. Но сказал адмиралу полковник совсем иное:

– В нашей Сибирской армии вернулись к императорскому чинопроизводству, – Ермаков лукаво улыбнулся и многозначительно посмотрел на адмирала, поймав взгляд. Сейчас они смотрели глаза в глаза, и что-то дрогнуло в душе бывшего Верховного правителя.

– Вы хотите сказать, – начал было адмирал, но Ермаков перебил его, хотя понимал свою бестактность. Но в данный момент именно она и была нужна, дабы показать искренность.

– Премьер-министр Вологодский сегодня утром отправил Михаилу Александровичу телеграмму с предложением, от которого государь, – полковник надавил на последнее слово, – не сможет отказаться!

– С каким предложением? – Адмирал не удержался от любопытства.

– Я не могу повторить дословно, ведь Вологодский юрист и тщательно подбирал формулировки. Но суть в следующем – Сибирское правительство считает отречение Михаила Александровича в марте 1917 года в пользу Учредительного собрания недействительным, так как последнее не удалось собрать в полном кворуме. Тем более что захват власти большевиками не позволит в ближайшие годы заново провести всероссийские выборы. Потому наше правительство признает его императорское высочество лишь местоблюстителем престола.

Вместе с тем правительство признает один из его императорских титулов, а именно – царя Сибирского. И вплоть до созыва Сибирского земского собора, а только он правомочен решать вопрос о монархии, Михаил Александрович может царствовать на освобожденной от большевиков территории Сибири и Дальнего Востока при подписании соглашения с правительством о разграничении полномочий.

– Вологодский это предложил?! – потрясенно воскликнул Колчак, удивление его было безмерным, ибо монархических симпатий у своего бывшего премьера он раньше не наблюдал, хоть и провели рука об руку целый год. А тут такая метаморфоза – и адмирал задумчиво покачал головой.

– Министры Сычев, Яковлев и я, как командующий армией, нашли доводы, чтобы убедить Петра Васильевича сделать такой шаг ради будущего нашей с вами России, – Ермаков внимательно посмотрел на адмирала.

– Александр Васильевич, мы решили не выпрашивать у союзников признания де-юре, а вернуть России прежний статус путем определенных маневров. Сибирское правительство рассчитывает, что если на какой-нибудь освобожденной от большевиков территории пройдет свободное народное волеизъявление, в котором прозвучит призывание государем Михаила Александровича, то с нашей стороны последует немедленное признание императорского титула. Более того, этой российской государственности, пусть даже ограниченного масштаба, будет оказана любая помощь, вплоть до военной. И предложение воссоздать на федеративных или конфедеративных началах новую Российскую империю.

– Почему Вологодский не сообщил мне вчера вечером о телеграмме? – глухо сказал Колчак и расстегнул верхнюю пуговицу кителя, потер пальцами шею, словно воротник стал душить его.

– Он отправил ее позже вашего с ним разговора, и после того, как мы обсудили возможности выхода из создавшегося положения. Теперь все зависит от вас – приложите ли вы все свои силы к будущему свободной от большевизма России или нет.

– А как понимать это? – Колчак тронул рукой лежащий на столике перед ним заряженный наган.

– Я искренне прошу извинить меня за несдержанность, примите во внимание мою молодость. Как командующий армией, я обязан был вас выслушать и принять взвешенное решение, не поддаваясь эмоциям.

Колчак побледнел, и тут же на его щеках выступил багровый румянец. Такой удар стал для самолюбия нестерпим. По сути, извиняясь перед ним, Арчegov ткнул его носом еще раз – ведь вчера адмирал не стал слушать Вологодского, всего час назад на повышенных тонах говорил и с полковником. А ведь он считал себя Верховным правителем России, зрелым во всех смыслах человеком. И получить такую завуалированную выволочку от офицера, который ему по возрасту годится в сыновья.

– Вчера я получил экстренную телеграмму из Читы от одного генерала. Вологодский назначает его моим заместителем, то есть первым помощником. Он будет командовать авангардом в наступлении на Красноярск.

Ермаков решительно сменил тему разговора, он догадался, какой жуткий стыд испытывает адмирал.

– Вот телеграмма. Прошу прочитать, Александр Васильевич.

Полковник достал из кармана куртки сложенный листок бумаги, развернул его и протянул Колчаку. Тот взял телеграмму, пробежался взглядом по отпечатанным строчкам, медленно, но вслух прочитал:

– «Командующему Сибирской Императорской армией полковнику Арчegovу. Копия военному министру Сиб. правительства генерал-майору Сычеву. Ваше превосходительство, в такой момент времени долг и присяга перед монархом и Россией велят мне находиться в рядах вверенных вам войск. Готов встать в строй даже прапорщиком. Генерал от кавалерии, граф Келлер».

Румянец на щеках адмирала сменился бледностью. Колчак задумался на минуту, потом его лицо внезапно ожесточилось. Он быстро застегнул ворот кителя и рывком встал с дивана, резко бросив руки по швам. Не ожидавший такой реакции адмирала, поспешно вскочил с места и Ермаков.

– Ваше превосходительство! – чуть глухим, но внятным голосом проговорил адмирал. – Готов немедленно встать в строй вашей армии мичманом. Или закончить...

Колчак не договорил, бросил выразительный взгляд на лежащий перед ним револьвер. Его лицо выражало жертвенное спокойствие, как бы говоря – моя жизнь принадлежит России, а смерти я не боюсь.

В горле у Ермакова запершило, он сглотнул, пытаясь преодолеть нахлынувшее волнение. В глазах предательски зашипало. За секунду перед ним пронеслась вся его жизнь, та, прежняя. Полковник попытался вспомнить, был ли хоть один генерал, что прилюдно в декабре 1991 года отказался от сытой жизни, генеральского пайка и жалованья, оставшись до конца верным Советскому Союзу. Были ли офицеры советской армии, которая в одночасье превратилась в российскую, что с презрением отказались от новых чинов и должностей, сохраняя искреннюю верность советской власти?

Он пытался припомнить, а память услужливо показывала сытые и лощенные генеральские лица, что с жадностью принялись «прихватизировать» армейское имущество, их тупое самодовольство и вековое хамство. Холуйство внизу и чванство наверху, ставшее обыденным явлением очковтирательство и стукачество, жертвенность взводных и ротных на войне и брезгливое равнодушие начальства к пролитой крови.

Это была не его армия, он понял это давно. Его армия здесь и только здесь, где полный генерал отказывается от всего, кроме чести, и работает сапожником. Эта его армия, где офицеры дружно встают в строй рядовыми и берут в руки винтовки, где нет стукачей и почти нет трусов. И даже кровавая междоусобица не смогла выбить из душ такие понятия, как честь, долг, верность! Может, дело в том, что эти понятия сохраняются лишь при служении монарху?! Ведь «демократическая» власть, что *там*, что *здесь*, только говорит об этих принципах.

Но показывает и прививает людям совершенно противоположное, без чего невозможно само ее существование – обещать, но не давать, оболванивать и обманывать свой народ, иначе не дадут хапать побольше, жить припеваючи. Ну а рядовые сограждане пусть сдохнут, лишь бы было тихо, и на кресло не капало...

– Ваше превосходительство может принести России великую пользу. А это, – Ермаков показал на наган, – лишнее. Судьба уже сделала за вас выбор, а потому следует на нее положиться. Помните, как у Пруткова – каждый человек принесет пользу, токмо находясь на своем месте. Вы моряк, Александр Васильевич, более того, вы флотоводец. Политика не ваша стезя. Потому прошу вас заняться своим прямым делом. И присядьте, пожалуйста, а то как-то неудобно говорить о серьезных делах стоя.

– В какой должности вы меня видите, Константин Иванович?

– Вы примете командование над кораблями, отправляющимися в Крым. Это вспомогательный крейсер «Орел» и один или два военных транспорта. Я прошу вас отплыть как можно быстрее – ваш поезд будет немедленно отправлен во Владивосток особым литером, послезавтра. А теперь о главном...

Ермаков закурил папиросу и пристально посмотрел на адмирала, глаза в глаза. Колчак был собран, взгляд решительный и строгий.

– Завтра днем вы будете на совещании с правительством, но Вологодскому незачем знать о деталях нашего разговора. От должности Верховного правителя вы откажитесь в пользу Михаила Александровича. По прибытии в Крым обязательно переговорите с генералом Деникиным – пусть признают Михаила Александровича. Сейчас отправьте телеграмму в Мурманск генералу Миллеру о том же. Я со своей стороны продублирую за министерскими подписями Сычева и Яковлева, возможно и Вологодского. И как только в Заполярье и Крыму примут это решение, мы получим императора и деюре. И плевать можем на союзников. Пер аспера ад астра...

– Через тернии к звездам, – адмирал перевел строчку отчеканенной Арчegovым латыни. – Я выполню все вами задуманное. И поймите меня правильно, Константин Иванович, но я в вас ошибался. Приношу свои извинения – ваша молодость сыграла со мной злую шутку, я не ожидал увидеть действительно государственную мудрость.

– Молодость, конечно, определенный недостаток. Который, к сожалению, быстро проходит, – полковник усмехнулся. Улыбнулся и Колчак – первый раз за этот день – тяжкий груз ответственности упал с его души.

– Оборону Порт-Артура хорошо помните, ваше превосходительство? – На неожиданный вопрос Арчegov адмирал только кивнул.

– Возглавьте Черноморский флот, Александр Васильевич. И сделайте все для обороны Крыма. Его нужно удержать любой ценой. Любой! Оборону там держат части генерала Слащева – талантливый военачальник, правда, со странностями. Перейдет к вам в подчинение с большой охотой – у вас авторитет весомее, чем у всех тамошних генералов, вместе взятых. Перекопайте перешеек на пять рядов, пустите в ход все флотское имущество. Ставьте заграждения из закопанных морских мин – флотские минеры большие умельцы. Снимайте броневые плиты со старых кораблей на укрепления, орудия, все, что только возможно.

Обеспечьте поддержку с мелководья, вооружите баржи пушками, как мы недавно проделали на Байкале. И простите меня – ученого учить только портить. Когда вы служить начали,

я еще в пеленки писался. Прошу извинить за такое слово. К сожалению, мне надо идти, время уже поджигает! Но вечером обязательно приеду!

Ермаков встал, поднялся с дивана и Колчак – это был совершенно другой человек, чем несколько часов назад. В его глазах сейчас не было тоски, ее заменила вера. А это главное, что нужно человеку в жизни.

– Через три часа здесь будет контр-адмирал Смирнов. Он станет сопровождать вас до Приморья. Мои части вышли к Зиме, но там пробка из чешских эшелонов, их пустили вслед за вашими литерными поездами. Единственный путь заблокировали, пакостники. А потому мы немедленно займемся партизанами – совсем обнаглели, стервецы, заняли Балаганск. Думаю, за десять дней управимся – они получают такой же урок от меня, как местные шахтеры. А там и дорога на Нижнеудинск откроется. Не говорю вам прощайте, адмирал. А только до свидания. Честь имею!

– Храни вас Господь! – совсем не по-военному напутствовал его Колчак. Они посмотрели друг другу в глаза, импульсивно сделали по шагу навстречу и порывисто, но крепко обнялись...

Ачинск

Железнодорожная станция напоминала город мертвых. Чудовищный взрыв десятидневной давности полностью разрушил здание, далеко по сторонам разбросал искореженные вагоны и шпалы, причудливо изогнул рельсы. Никто не мог дать внятного объяснения, что привело к этому, – обычная халатность, случайность или преднамеренная диверсия. Правда, большинство очевидцев склонялись к последней, вина в содеянном партизан и эсеров.

Вначале рванули два вагона с порохом, затем взорвался вагон со снарядами, и, напоследок, добавив ужаса, полыхнула цистерна с бензином. Погибло до тысячи человек – неубранные и замерзшие трупы возвышались сложенными штабелями, вперемешку с оторванными руками и ногами. Их так и не похоронили – в условиях повального отступления этим никто не мог заняться, а горожане давно попрятались по домам, трясаясь от ужаса.

Зато для многочисленных шаек мародеров наступило раздолье, которое перед рассветом печально для них и закончилось. Ижевцы с такими не церемонились – с десятков трупов навечно застыли в скрюченных позах. И бой с красным батальоном не затянулся – две тысячи воткинских рабочих, воодушевленные призывом императора, взяли красных в окружение на станции и за час полностью уничтожили, не беря пленных...

– Передать по цепи! Без команды не стрелять, пусть подойдут поближе! – громко выкрикнул генерал Молчанов и прижал бинокль к глазам.

Красные цепи шли в правильном боевом порядке – полтора года войны многому научили краскомов. Один полк демонстративно атаковал станцию и город в лоб, а второй полк заблаговременно пошел в обход, чтобы выйти к железной дороге с другой стороны города. Викторин Михайлович улыбнулся, ведь обходящую колонну красных ожидал неприятный сюрприз...

– Ну, все, хватит ждать, они втянулись. Пора, – прошептал Шмайсер и ткнул под бок пулеметчика. Тот понял его правильно – длинная очередь ДП опустошила диск за секунды.

Склон сопки мгновенно опоясался густой россыпью пулеметных огоньков – по ничего не подозревающей колонне ударили с трех сторон три десятка станковых пулеметов – «максимов» и «кольтов». Одновременно открыли стрельбу из дюжины своих «люисов» егеря, да плюс к ним три ДП и два десятка ППС, совершенно неуместных в двадцатом году. Впрочем, автоматы как раз были местного производства, изготовленные в Ижевске в октябре прошлого года.

Свинцовый шквал с двухсот шагов не просто страшен, он уничтожающе беспощаден. Смертельно раненные лошади бесновались, переворачивая сани, сминая мечущихся в панике красноармейцев. Соппротивление оказывали немногие, пытаясь отстреливаться. Большинство бойцов, понимая, что на открытой местности им не уцелеть под таким плотным убийственным

огнем, бросились к вожаемой железнодородной насыпи, надеясь за ней укрыться и приготовить к обороне.

Долгое преследование со слабым сопротивлением, богатыми трофеями и большим числом пленных не могло не привести красных к беспечности, победному настроению, откровенному презрению противника. Это и сыграло свою зловещую роль – они прозевали засаду, не удосужились отправить на фланг боевое охранение. На что рассчитывали Молчанов со Шмайсером, оставляя открытой обходную дорогу.

Ачинский взрыв, застопоривший намертво длинную вереницу поездов, в одном сделал благое дело. Успевшие проскочить город эшелоны ушли за станцию Чернореченскую, накапливаясь на перегоне Кемчуг – Красноярск. А потому железнодорожная линия сейчас стала необычайно пустынной. Лишь неподалеку из-за таежных дебрей поднимались в пронзительно-голубое зимнее небо густые паровозные дымы, быстро двигавшиеся к городу.

Из-за поворота на полном ходу выехал бронепоезд, над тендером которого колыбался белокрасный флаг. За ним появился второй – и крепости на колесах, зловеще громяхая по рельсам, стали пугающе быстро приближаться к оцепеневшим от ужаса красноармейцам. С «Краковым» и «Познанию» бойцы уже имели дело под Тайгой, там бронепоезда навели страху.

И началось продолжение того боя, но во сто крат свирепее и безжалостнее. Пушки перешли на картечь, пробивая целые просеки, а многочисленные пулеметы в бойницах в упор скашивали обезумевших людей. А сзади захлебывались лаем «максимы» Ижевско-Воткинского пулеметного батальона и метко стреляли одетые в белые маскхалаты егеря.

Лишь немногие красноармейцы смогли вырваться из устроенной им безжалостной бойни, добежав до домов предместья. Но там ждало не спасение, а смерть в виде барнаульцев, примкнувших к винтовкам штыки и дождавшихся своего часа...

Весь 266-й стрелковый полк, в котором от долгого преследования осталась едва треть от штатного состава, созданный из отборной коммунистической части и названный в честь погибшего комиссара Малышева, разделил его судьбу в полном составе.

Восемьсот красноармейцев навечно застыли на белокровном снегу. Егеря Шмайсера в плен не сдавались, но и сами не брали, если на то не было распоряжения. А такой приказ сейчас им не отдали.

Польские бронепоезда посигналили прощальным гудком, как бы празднуя победу. И на полном ходу устремились к далекой станции, откуда доносились оружейные выстрелы, взрывы и ожесточенная ружейная стрельба...

Черемхово

– Миша, а ты уверен, что все это он написал? – Колчак задумчиво почесал пальцем переносицу, и отодвинул от себя исписанные листы и две тонкие брошюры, отпечатанные на плохой газетной бумаге.

– Написал листки я, с его слов и мыслей. Наставления, – контр-адмирал Смирнов положил ладонь на брошюры, – его работа. Без всякого сомнения!

– Тогда мы имеем дело с военным гением, – негромко сказал Колчак, – но наши «сапоги» флотских дел никогда не ведали. А полковнику в разумении не откажешь. Более того...

Бывший верховный правитель осекся и надолго задумался – его широкий лоб прорезали ленточки морщин. Смирнов не перебивал – молча курил, глядя на горящую свечу в подсвечнике.

– Ты говорил, что ему было Откровение? – Голос Колчака звучал серьезно, без малейшей иронии, которой было пропитано «образованное» общество, начитавшись атеистических учений.

– Это он сказал, а я ему сразу поверил...

– Я бы тоже поверил, – после долгой паузы отозвался адмирал. Моряки теперь только курили, молчали и лишь иногда переглядывались. Возможно, они бы и продолжили беседу, ну тут в вагоне раздались громкие голоса, среди которых господствовал арчegovский рык на нераспевших. Полковник кого-то распекал за промедление в ремонтных работах и требовал закончить бронирование батареи к сроку. Что за батарея, зачем ее бронировать, адмиралы не поняли и переглянулись.

– Не помешаю, господа? – В купе ворвался Арчegov, лицо осунувшееся от усталости. Моряки сделали попытку подняться с диванчиков, все же хоть и старше над полковником чинами и возрастом, но тот для них начальство, но были тут же придавлены за плечи сильными ладонями.

– Еще чего, – извинительно буркнул Арчegov и вытянул папиросу. Закурил, с удовольствием пахнул дымком и, ни к кому не обращаясь, высказал обуревавшие его мысли.

– Ну что за народ у нас? Всегда готовятся к вчерашней войне, а не к будущей! Чем только думают, господа начальники?!

– А в чем дело, Константин Иванович?

– Бюрократия, мать ее. Считают, что армия для штаба существует, а не наоборот. Бездельниками тыл забит, а на фронте нехватка лютая. А почему так? – Вопрос был чисто риторический, тем более Арчegov сам ответил:

– Канцелярщина и армия несовместимы!

Сказал, как рубанул, положив крепкий кулак на стол. В нем еще бурлило раздражение, а потому адмиралы ждали, что скажет им дальше молодой командующий армией.

– Почему у нас не командиры, а начальники дивизий? Причем без разницы – пехоты или кавалерии, линкоров или крейсеров. Да потому, что любой начальник бюрократ по определению. Какой закон у бюрократа главный? Начальству виднее, а потому не проявляй инициативу, а делай все по регламенту. Инициатива наказуема, а правильно написанная бумажка карьеру сберегает. И чем больше бумаги, тем чище задница!

Адмиралы были настолько ошарашены гневной тирадой полковника, что не обратили внимания на ругань, а это дало Арчegovу время, чтобы взять себя в руки и успокоиться.

– Прошу простить меня за моветон, господа. Поймите правильно. Идет война, нужно спасти армию Каппеля и остановить красных. При нашей скудности ресурсов трудно и сложно обеспечить фронт всем необходимым – снаряжением, оружием, продовольствием, боеприпасами. Обеспечить в первую очередь, невзирая на тыл. У нас же в точности до наоборот – ни германская, ни гражданская война ничему не научила.

Колчак и Смирнов побагровели, а потом побледнели одновременно. И было отчего – адмирал вспомнил разутых и раздетых солдат, и тут же память услужливо показала веселящийся Омск, одетых в новенькое, с иголки, штабных офицеров. А еще забитые склады, в которых интенданты хранили имущество – можно было одеть и снарядить десяток дивизий, но они придержали поставки на фронт. А теперь этим добром пользуются красные...

– Во Владивосток прибыл неделю назад французский пароход, привез два десятка новых аэропланов «Сальмсон». Генерал Розанов, несмотря на мой приказ, отправил в Иркутск только шесть, а остальные решил передать в Спасскую авиашколу, мотивируя тем, что пилотов приходится обучать на старых этажерках!

Колчак и Смирнов уставились на полковника с изумлением – они не понимали причину возмущения. Но если действительно учить не на чем. Арчegov только выдохнул воздух и принялся спокойно объяснять.

– Главный принцип войны заключается в концентрации всех сил и средств, и в их правильном распределении. Сейчас у нас втрое больше пилотов, чем аэропланов, причем откровенной рухляди. Летать на них невозможно, и фронт остался без авиации. Следовательно, нужно все новые аэропланы передать в армию, они ей принесут огромную пользу.

– А на чем учить пилотов? – осторожно спросил Смирнов.

– На рухляди! – безмятежно отозвался Арчegov. – Пусть лучше гробят этажерки, чем хорошие аэропланы. Напряжения войны старая техника не выдерживает, но при правильном уходе может служить обучению новых пилотов. Но учить без торопливости – куда спешить-то?! Большие поставки начнутся месяца через три-четыре, вот тогда и обеспечим все авиашколы нормальными самолетами. Нельзя терять опытных и умелых летчиков, один ветеран трех новобранцев стоит. А потому им нужно давать только самую надежную технику и лучшее оружие – они принесут большой вред врагу. А Розанов даже этой простой истины до сих пор не понял! Как и все другие «старые» генералы...

Моряки переглянулись – на щеках выступила легкая краска, которую полковник не разглядел в полутемном купе. Арчegov заговорил дальше, прикрыв глаза, словно вслух излагал потаенные мысли самому себе, не обращая внимания на адмиралов.

– Сейчас не может быть понятий мирного и военного времени. Борьба с большевиками потребует много усилий, она будет долгой. Потому суррогаты категорически неприемлемы. Я распорядился перевести все учебные заведения на два года обучения – нужно готовить нормальных офицеров...

– Но в частях постоянная нехватка...

– Оставьте, Александр Васильевич. На одного офицера сейчас приходится пятеро солдат. И это здесь, после всех чисток. А в армии Каппеля пропорция еще хуже. Зачем плодить столько недоделанных офицеров и какой с них прок за несколько месяцев обучения, если многие служат на солдатских должностях! Про генералов я не говорю – поголовье стремительно увеличивается, а вот качество получаемой шерсти неуклонно падает!

Адмиралов прямо передернуло от презрительного цинизма Арчegovа, и Смирнов ожидал, что Колчак взорвется своей знаменитой истерикой. Но, к его удивлению, лицо Александра Васильевича разгладилось, желваки не ходили под кожей. И в глазах вспыхнул жгучий интерес.

– Но надо что-то делать, Константин Иванович?

– Сычев уже уволил практически всех генералов довоенного времени. Ни один из них не отвечает условиям маневренной гражданской войны. Переучивать их невозможно, только время зря тратить...

Арчegov непроизвольно зевнул и неожиданно клюнул носом. В другое время Смирнов счел бы это неуважением, но не сейчас. Красные воспаленные глаза, набухшие мешки под глазами, землистый цвет лица – все говорило о том, что полковник хронически недосыпает, вернее, практически не спит. А ведь он еще и воевал, руководил, командовал, писал. Чудовищный объем работы, с которым даже его молодой организм не справлялся.

– А почему вы сказали, что адмиралы к прошлой войне готовятся, а не к будущей?

– А к какой же еще? «Андрей Первозванный» был бы хорош в Желтом море, с его полностью бронированным бортом. «Шкура» как раз на средний калибр, шимоза, что напрочь сожгла эскадру Рождественского, ему не страшна. Но вся штука в том, что к двенадцатому году все страны строили дредноуты, против которых броненосцы никак не тянут. Это как сопливый мальчишка против вооруженного до зубов верзилы.

– А «Севастополь»?

– Низкобортная самоходная баржа, с неудачно расположенной артиллерией и тонкой броней. Для Цусимы в самый раз. Но неспособен противостоять залпам дредноутов, «шкура» тонка для боя. Англичане в это же время свой «Куин Элизабет» построили, против которого наш и получаса не простоит – как-то не тянут 12 дюймов против 15. Избиение младенца, и только. И удрать тоже не в состоянии, у англичан линкоры мореходнее и скорость больше. Да что «Куины»? Они свои «Орионы» в одно время с нашими строили, только сравнивать нечего, и гордиться тем более...

Смирнов не мог сдержать изумления – Арчегова нужно было давно отправлять почивать, он прямо засыпал сидя на диване. Но вместо этого Александр Васильевич терпеливо и благожелательно, с дружеским почтением в голосе, как идеальный собеседник, расспрашивал офицера. И тот ему отвечал, пусть медленно, видно, одной половиной мозга уже спал, а вторая еще могла хоть как-то функционировать.

– А у японцев есть линкоры, способные с «Куинами» драться?

– «Нагато» и «Муцу», у них 16 дюймов и 26 узлов. В двадцать первом вошли в строй. Остальные по Вашингтонскому соглашению двадцать второго на металл порезали, недостроенные...

Арчегов отвалился на диван, лицо полковника полностью обмякло, из уголка губ потекла струйка слюны. Офицер крепко уснул и стал чуть похрапывать. Усталость свалила даже его, казавшегося всем двужильным.

– Боже мой?! – Смирнов только теперь понял, почему Колчак тормозил Арчегова, не давая тому засыпать. Контр-адмирал непроизвольно перекрестился – потрясение было велико. Ведь о будущих годах полковник говорил в прошедшем времени.

Колчак, с внезапно просветлевшим лицом, тоже истово перекрестился, а затем заботливо устроил полковника на диване, подсунув под голову свою походную «думку». И словно заботливый отец любимого сына, накрыл своей черной флотской шинелью, перекрестив уснувшего офицера.

– Пойдем, Миша, – Александр Васильевич тихо прошептал своему старому приятелю, – попьем чайку. Константину Ивановичу нужно хорошо выспаться, а нам есть о чем подумать и поговорить...

Глава вторая

Звенит январская вьюга (3 января 1920 года)

Иркутск

– Но где еще подвохи спрятаны, где?! – Генерал Оглоблин не смог сдержать рвущегося наружу раздражения. Перед ним лежал долгожданный закон о казачестве, вернее его проект, в лихорадочном темпе составленный войсковым правлением за эти суматошные часы. Прошло всего три дня, немыслимый по краткости срок, как закон рассмотрели все заинтересованные стороны, внеся в него свои предложения и дополнения, иногда очень серьезные.

Управляющий делами кабинета министров Гинс и министр социального развития Пепеляев, отвечающий за здравоохранение, просвещение, культуру и общественное призрение, внесли в него свои дополнения, касающиеся развития казачьих школ, фельдшерских и ветеринарных пунктов, культурных начинаний и прочего. Дополнение следующее – вопрос слишком серьезен и требует долгого рассмотрения вкупе с государственным решением для всех социальных групп Сибири на общих основаниях.

А если выразиться короче, то мнения сходились в одном – отложить сей вопрос и вдумчиво над ним поработать, дабы отнести его на все другое население заодно. С этим генерал был согласен, как и с пунктом, который говорил, что данные вопросы будут особо оговорены в специальном законе, который правительство примет позднее. А потому препятствовать проведению закона в основной его части они не станут.

В основной части были три раздела – войсковой статус с причислением в казаки крестьян и инородцев, военная и другая государственная служба и, самое болезненное, поземельное устройство.

С войсковым статусом министры разобрались на удивление споро и с общим согласием одобрили июньский закон адмирала Колчака и утвержденное им положение о войске. И с бурятским населением вопрос сняли быстро, разрешив причислить их в войско на особых основаниях, не подвергая коренной ломке жизненный уклад, земельные наделы и введя для инородцев облегченный порядок службы.

С предложением массового зачисления крестьян в казачество в Иркутском уезде все заинтересованные стороны согласились, но со скрипом. В Балаганском и Черемховском уездах поверстывание должно было пройти незначительное, и только тех селений, которые примыкают к бурятским стойбищам или к казачьим станицам. И объяснение давалось соответствующее – для компактного проживания казаков и стремления избежать осложнений от чересполосицы. Сохранялось куйтунское и нижеудинское казачество, обустроенное еще до войны, а верхоленское, илимское и киренское министры предлагали упразднить либо переселить.

С последним планом атаман был полностью согласен, вот только дадут ли деньги на переселение? Терять полтысячи природных казаков, которые за двести лет, несмотря на все притеснения, так и не вышли из сословия, атаману не хотелось. Вся надежда на министра финансов Михайлова – сумма мизерная требовалась, если сравнить ее с ежедневным расходом на войну.

Окончательный вариант впечатлял – казачество увеличивалось в десять раз – с 15 тысяч до 150 тысяч населения, разделенных на три отдела, примерно равных по численности. Тунка и все села по Иркуту входили в первый отдел, где царило полное равенство – по одной трети крестьян, бурят и родового казачества с крестьянами из казаков. Второй отдел должен быть по левобережью Ангары, как раз на стыке трех уездов – Черемховского, Балаганского и Нижнеудинского. Сюда входили и все казачьи поселения по Или и Уде в последнем уезде. Половина приходилась на бурят, по четверти на селян и казаков – природных или из крестьян...

В третий отдел, самый большой, Яковлев предложил зачислить крестьянские и бурятские селения по правобережью Ангары от Байкала до Яндинской слободы за Балаганском. Здесь подавляющее преимущество было у бурят, которые составляли четыре пятых населения, остальные крестьяне. А вот природных казаков и крестьян из казаков едва набиралась с полтысячи...

– Благодарю покорно, но такой третий отдел нам не нужен! Они никогда казаками не станут, ибо там наши почти не проживают! Ну, Яковлев, сукин сын, вроде благо сделал, а на деле зло лютее! Нет, такие «казаки» нам без надобности! Они не станичниками станут, а вечной головной болью!

Оглоблин встал, прошелся по комнате – требовалось не менее десяти лет, чтобы произвести нивелировку всех поверстанных. Насильственного зачисления не было – буряты, что жили рядом с казаками еще с семнадцатого года, соглашались, лишь бы соседи-крестьяне оставили в покое их огромные скотоводческие наделы в сотню десятин супротив крестьянской дюжины.

И поверстанное крестьянство вряд ли уговаривать придется – все наделялись полным казачьим паем в тридцать десятин, освобождались от налогов и переводились служить в пластуны, где затраты на снаряжение были в 5 раз меньше, чем конным казакам. Сплошная выгода от перехода...

«Нет, подвох здесь отсутствует», – решил про себя генерал, внимательно рассматривая проблемы казачьей службы. Триумvirат «служивых» – военный министр Сычев, командующий армией Арчegov и министр внутренних дел Яковлев, имели разные предложения, но верх взял командующий. Оно и понятно – за ним открытая поддержка Вологодского и Михайлова и сила, ошетилившаяся штыками и орудийными башнями бронепоездов.

Требования Арчегова облегчали службу казачества куда больше, чем предложения самого атамана. Не соглашаться было бы безумием, тем более что сычевский вариант представлял простую переписку старого закона 1911 года. Остальное – довольствие, выплата пособий, снаряжение за казенный счет в военное время и прочее – полностью отвечало чаяниям казаков.

Листы с поземельным устройством атаман просмотрел три раза, молча качая головой – Серебrenников и Яковлев удовлетворили все требования, даже больше того. Тридцать десятин земли отводили на каждого казака, бурятам же оставляли намного больше. В войсковой запас передавали все казенные земли, в основном тайгу и сопки, что имелись на казачьей территории. О таком внимании раньше даже в горячечном бреду не мечталось. Видно, клюнул жареный петух министров, понимают, что война с большевиками будет долгой и затяжной. На крестьян надежды мало, а казаки всю тяжесть борьбы на себе вынесут.

Подвоха атаман не нашел, Яковлев даже приписал – «дополнительное наделение казачьих дворов будет произведено с принятием соответствующего пункта в законе о службе в армии». Вот как – даже нарезку лишнюю обещает, какой тут подвох! Но ночь длинна – еще раз прочитать можно.

Сердце неожиданно защемило – хоть за эти дни бумаги были читаны-перечитаны много раз всем войсковым правлением, буквально вынюхана каждая буква министерских предложений, а что-то не так на душе. Тяжко! Заветная мечта вроде сбылась, но почему-то не радостно, а тревожно. И яковлевская ехидная улыбка не выходила из памяти. Таких давить надо, как клопов, а не министрами делать!

Оглоблин вспомнил, как прошлым летом разоружили дивизион, а его самого посадили под арест. Инициатором был Сычев, давний недруг. Ему плевать на интересы казачества, для него главное свое положение упрочить. А Яковлев, пользуясь случаем, проехался по Тунке, выбивая из казаков подати. Правда, номер у ушлого губернатора не прошел – станичники знали свои права. Тогда в ход пошел отряд особого назначения, но на силу нашлась ответная сила, хотя часть имущества казаки потеряли.

А сейчас эта парочка прямо сочтется радушием, так закон быстро пропихнули, льготами обильно сыплют. В друзья набиваются, а губернатор даже «дополнительные нарезки» обещает. Нет, нельзя им верить, ибо волки в шкуры агнцев обрядились. Ничего уже не сделаешь – к утру нужно перепечатать начисто бумаги, подписать, выражая свое согласие. Отдать Гинсу и поехать с ним в Черемхово. Там к вечеру правительство примет долгожданный закон.

– Но где еще подвох? Не могут эти крысы без подлости жить, – пробормотал атаман, и при свете свечи снова сел просматривать исписанные листы.

Черноярская

– Полностью уничтожены 266-й и 267-й полки 89-й бригады. Красные потеряли убитыми, ранеными и пленными полторы тысячи человек. Нами захвачено два трехдюймовых орудия, к ним сотня снарядов, 13 станковых и 7 ручных пулеметов, более тысячи винтовок, боеприпасы и снаряжение, – Фомин говорил своим обычным, спокойным, без малейшей нотки торжества голосом. Генералы и офицеры, сидящие за столом, дружно расцвели улыбками – одержана первая победа за три месяца череды сплошных поражений.

– Остатки этой бригады рассеяны или пленены конным полком, но начдив Лапин сумел в темноте вырваться из окружения, собрав до двухсот красноармейцев. Они прорвались на Краснореченскую. По показаниям пленных и данным разведки, туда от Боготола выдвинулась 90-я бригада в составе трех полков – 268, 269 и 270-го. К ним подходит 265-й полк. Всего до 3 тысяч штыков при 30 пулеметах. И две батареи артдивизиона – 6 или 8 орудий. Плюс специальные части, обоз и отряд чекистов, примерно полурота.

– Нам надо решить, как разгромить прорвавшуюся 88-ю бригаду. Так, Семен Федотович?!

– Да, государь. Бригада Грязнова представляет реальную силу. Сейчас ее авангард отходит от села Покровского, где его атаковали польские части при поддержке бронепоездов. Был серьезный ночной бой. Мы будем иметь дело с восемью батальонами пехоты, девятый уже уничтожен прошлым утром ижевцами в Ачинске. У противника еще два эскадрона с двумя пушками. Момент для нашего контрнаступления удачный, ваше величество. Красные зарвались. Да, да – их 30-я дивизия вчера разделилась на три изолированные бригадные группы, и мы их начали бить по частям. С 89-й бригадой покончено, сегодня-завтра надо окружить и уничтожить 88-ю бригаду.

– Мои войска вам требуются, Семен Федотович? Какие части? – Генерал Войцеховский наклонился над столом, впившись глазами в карту.

– Нет, Сергей Николаевич. Вот здесь, восточнее Покровского, нужно сосредоточить сибирских казаков, севернее бригаду оренбуржцев. Пошлите разведку. Перегруппировку завершить до вечера. Успеете?

Указания Фомина были обращены к пожилому, перешагнувшему за сорокалетний рубеж генералу, с алыми сибирскими лампасами. Тот поднялся со стула и после короткой паузы ответил:

– Разъезды уже посланы. Сейчас готовы два полка 1-й Сибирской бригады. Остальные полки на переформировании, нужно время.

– Сколько сабель? Есть артиллерия?

– Свыше тысячи шашек, полки в четыре сотни, вместо шести. Их я расформировал для укомплектования по полному штату. Имеются четыре орудия, но к ним только десяток снарядов.

– Как же вы довели пушки? – искренне удивился Фомин. Он считал, что, кроме ижевцев, никто орудия не вывез. Отступавшие части предпочитали бросать артиллерию на дороге, она только замедляла поспешный отход.

– Благодаря казачьей привычке не бросать свое добро, – усмехнулся командующий Сибирской казачьей группой генерал-майор Волков.

– Когда закончите переформирование? На что можно надеяться?

– К вечеру будет готов третий полк первой бригады, к утру и вся вторая бригада. В каждой будет по три полка четырехсотенного состава, или полторы тысячи шашек. Придам по особой сотне для разведки, конвойной полусотне и по одному артвзводу, только бы снаряды нам дали. Еще в строю около четырех тысяч казаков старших возрастов, полки на совершенно заморенных конях. Кроме того, мною выделены конвои для войскового правительства и команды при обозах. Имеется еще атаманская сотня из строевых казаков, служивших в лейб-гвардии сводно-казачьем полку.

Генерал поднял взгляд на Михаила Александровича, но тут же отвел. Тот правильно понял немой вопрос и произнес:

– Атаманскую сотню перевести в мой конвой. Подберите еще одну сотню из казаков старших возрастов, служивших в гвардии.

– Есть, ваше величество. – Генерал отпустил «императорскую» приставку, на чем настоял Михаил Александрович утром. Щепетильность проявил – вопрос ведь не решен, да и обращение стало более удобным и простым.

– Снаряды получите, поляки передали пятьсот штук. И два трофейных орудия для оренбургской бригады генерала Мамаева. Ее нужно усилить сибирскими казаками до штатов. Упряжки и артиллеристы есть?

– Имеются, ваше величество!

– Ваши три бригады сводятся в казачий корпус. Из безлошадных казаков сформируйте пластунские батальоны, по одному на каждую бригаду. Посадите всех на сани. Пулеметы получите из трофеев. И помните – к утру ваш казачий корпус должен быть полностью готов.

– Так точно, ваше величество! Разрешите идти?!

– Вчера у вас был неважный вид. Вы не больны, часом?

– Никак нет, ваше величество! – Казачий генерал покраснел, как мальчишка. Еще бы – на первом совещании от него разило перегаром за версту. Но теперь вряд ли он возьмет в руки стакан...

– Идите, Вячеслав Иванович. – Отослав генерала, Михаил Александрович повернулся к Фомину.

– Как вы планируете одолеть бригаду Грязнова?

– Генерал Молчанов прикрывает Ачинск воткинцами, сам с ижевцами и барнаульцами сейчас выдвигается на север к Красновскому. Грязнов не может не понимать, что отсечен от своих. А потому будет прорываться назад. Там и состоится бой. Силы примерно равные, но у ижевцев конница и артиллерия. С фланга красных подожмут поляки – там два батальона первого полка и уланский дивизион.

– Он может отступить или прорваться в другом месте?

– Нет, только на переселенческий Большой Улуйский участок. И попытаться пройти северо-западнее через Бычков. Это катастрофическая потеря времени – сзади насядут казаки Волкова. Так ведь, Сергей Николаевич?

– Так! – согласился Войцеховский и ткнул карандашом в карту. – Если они потеряют эту ночь, то завтра к полудню мы их зажмем здесь. Но удержат ли воткинцы другую бригаду?

– Должны! – уверенно ответил Фомин. – Надо рискнуть. Это наш единственный шанс окончательно разгромить 30-ю дивизию, пока красные подставились. Если используем его, то появится возможность нанести удар по 35-й дивизии. И без помех атаковать Красноярск. Если нет – то мы попадем в клещи, и хуже того, оказываемся между молотом и наковальней...

Кемчуг

– Без царя в голове и то жить нельзя, а тут воевать?! Ну, ничо, «ижи» краснюков под Ачинском побили, а мы их в Красноярске побьем. С царем-то Михайло Александровичем все переможем!

– Тока бы свои вовремя добрались, от Иркутска дорога не ближняя! Целая императорская армия нас выручать идет!

– А мы им подсобим малехо. Покажем сучьим детям, как перевороты затевать. Враз укорот сделаем...

– Секим башка будем!

Начальник 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии, моложавый, не достигший еще сорока лет, генерал-майор Павел Петров непроизвольно улыбнулся, слушая солдатские разговоры и пересуды. Прошло всего двенадцать часов, и он не узнавал своих солдат. Апатия и уныние, терзавшие дивизию вот уже почти два месяца, после злосчастной сдачи Омска, исчезли почти совершенно. Ведь таковы люди – они верят в свою счастливую судьбу, даже отъявленные циники. И надеются на чудо. И не зря...

Поток счастливых новостей, невероятных в их безнадежном положении, пробудил в стрелках угасший и замороженный декабрьской вьюгой боевой дух. И вместо бездонной пропасти сна на ночлеге, у костров снова зазвучал веселый смех. Да и сам генерал, чего греха таить, разуверился в счастливом исходе – поражения давили душу, и только одна мысль терзала ее – добраться бы до Забайкалья живым да людей вывести...

Вскоре предстояло драться, но солдаты были гото вы к этому. И желали боя. Но мало в строю бойцов, способных держать винтовки в руках, – тиф косил беспощадно. Уфимская дивизия была не только одна из самых лучших в белой армии, но и самой укомплектованной. Превосходный людской материал, добрую половину которого составляли неграмотные и дремучие башкиры с татарами (а потому на них практически не действовали «сладкие» напевы большевистской пропаганды), напоминал первые дни великой войны, и тот порыв, с которым шли в бой «за веру, царя и отечество».

Сейчас этот девиз возродился заново, словно Феникс из клубов дыма, пламени и пепла, дух поднялся почти до жертвенного порыва, но оставшихся в строю солдат насчитывалось чуть больше трех тысяч – пятая часть от того, что имелось раньше. Да еще столько же сидело на облучках обозных саней или металось в бреду на тех же повозках рядом с такими же несчастными.

Генералу отвели больше суток на переформирование, немыслимо короткий срок, но Павел Петрович делал все возможное и невозможное. Три полка дивизии – Уфимский, Михайловский и Татарский – были сведены в батальоны. Пусть не в четыре роты, как полагалось по штату, а в три, но это были полнокровные подразделения, в две сотни штыков. Совсем как в августе четырнадцатого, когда он в последний раз видел такие многолюдные и сильные роты. Да еще с приданной каждому батальону пулеметной командой из шести «кольтов» или «виккерсов», что вместе с ящиками патронов были получены из польских эшелонов. Щедрые паны передали и две трехдюймовки с полусотней снарядов на ствол – артиллеристы с радостью приняли подарок, ведь свои пушки дивизия бросила в поспешном отступлении.

Четвертый полк дивизии, 14-й или «второй» Уфимский, передав здоровых солдат в действующие части, стал запасным батальоном. Генерал приказал направлять туда всех обозников других частей, что прибились к уфимцам, и своих немощных или слабосильных солдат. Таких набралось свыше тысячи двухсот человек, и батальон был оставлен на охране обоза. Из него Петров планировал выдергивать запасных на восполнение потерь, ведь переформированной бригаде предстояло идти на штурм Красноярска.

Вместе с уфимцами в атаку должна была пойти и 8-я Камская стрелковая адмирала Колчака бригада генерала Пучкова, свернутая таким же образом из дивизии и пополненная из расформированных частей. Даже пулеметы и пушки передавались поляками в той же пропор-

ции, да и камцы с уфимцами были словно братья-близнецы (добрая половина «соседей» также состояла из башкир и татар).

Лишь одно обстоятельство несколько беспокоило, даже чуточку напрягало. К ночи бригаде предстояло выступить, и она пойдет вперед, на Красноярск, вот только вести разведку почти нечем – конные взводы при батальонах едва насчитывали три десятка всадников...

Генерал вздохнул и твердым шагом направился к светящимся окошкам дома, где расположился штаб. Тесновато, конечно, но не зря говорится, что в тесноте, да не в обиде. Тяжело людям на морозе, ведь станция с поселком буквально забиты под завязку, то ли еще отступающими, то ли уже наступающими частями белой армии.

– Павел Петрович. – За спиной генерала раздался голос начальника штаба подполковника Ивановского.

– Вы чего на улице-то?

– Покурить вышел, в доме не продохнуть. К вам князь Кантакузен приехал! У печи сейчас греется, – усмехнулся офицер и, поймав вопросительный взгляд генерала, «с чем подъехал-то», ответил:

– Прибыл в ваше распоряжение...

– Угу, – радостно крикнул Петров. Действительно, не было полушки, а тут золотой империал дали. Он сейчас размышлял, где бы полный эскадрон кавалерии взять или хотя бы казачью сотню, а тут бывшая Уфимская кавалерийская дивизия как снег на голову сваливается, вернее как манна небесная.

– Какие части дивизии на помощь прислали?

– Павел Петрович, ее же расформировали. В два полка свели, по три эскадрона. Гусар нам передали, улан камцам. Обозы частично в полки, а всех остальных влили в первую кавалерийскую дивизию. Так что наш князь сейчас командир полка в четыре сотни сабель, с шестью пулеметами.

– Хорошая новость, я не ожидал. Теперь можно отправлять его конный полк в авангарде. Что-то еще?

– Сибирские казаки в ночи подойдут. У них полки старших возрастов раздергали в отдельные сотни, довели до штатов, а теперь по одной передают всем стрелковым бригадам. В качестве конвойных.

– Угу! – снова крикнул генерал – такой предупредительности и энергии от штаба главоверха он не ожидал. Хотя вряд ли генералы Богословский, Рябиков и другие стали расторопнее, здесь чувствовалась железная рука генерал-адъютанта Фомина, бывшего начштаба Ижевско-Воткинской дивизии. У того характер тот еще, он и генерал Молчанов два сапога пара. Недаром их «ижи» в полном порядке дошли и всю артиллерию вывели. Не то что в других дивизиях, да и у него тоже. У таких не забалуешь...

– Пойдем, поговорим с князем. Да и подытожим то, что вы тут спланировали. Штурмовать Красноярск не фунт изюма...

Красновское

– Так что разрешите поздравить вас с командующим корпусом, Викторин Михайлович, – с улыбкой проговорил Фомин.

– Поделили мою сильную дивизию на две слабые бригады, вот и корпус получили, – с усмешкой произнес генерал Молчанов, глядя на спокойно курящего бывшего подчиненного.

– Совсем наоборот, генерал. Вместо одной неукомплектованной дивизии у вас стало две сильные бригады. Ижевцам третьим батальоном передаем остатки пермских стрелков и юнкеров военно-училищных курсов. Воткинцы получают два полных батальона «добровольцев». Пушки у вас есть, снарядов поляки подкинут. Казаков добавим, вот кондив в полк развертывайте. У вас неплохо получается, зря грешите. Сил достаточно...

Молчанов задумался – слова Фомина звучали убедительно. В бывшей добровольческой дивизии состав был крепкий, названию полностью соответствовали. А пермяки десять дней назад жестоко дрались с красными под Тайгой, прикрывая вместе с польским арьергардом отступление армии. Там их дивизия окончательно растаяла, как лед, брошенный на печку.

Хоть и немец этот Фомин, но офицер очень знающий и опытный, тем паче генерального штаба, пусть и германского. К тому же человек порядочный, за год они полностью сработались и хорошо узнали друг друга. И его стремительному недавнему взлету генерал не завидовал – тот давно этот чин заслужил и дивизией мог бы командовать не хуже любого другого генерала, если не лучше.

Да и не каждому дано императора из лап красных вырвать, от смерти увести. Потому своим немцам его величество Михаил Александрович полностью верит. Да и неплохие они вояки – что природные, что «русские». Фон Вах прекрасно воткинцами командует, за Шмайсером его егеря хоть в ад пойдут, и даже полковник Юрьев-Бимман дело знает, если прижмет...

– Вам передается 1-я Уральская стрелковая бригада. Она слита из 12-й дивизии уральцев и Красноуфимской бригады. Есть четыре орудия – красноуфимцы единственные, кроме наших и казаков, кто пушки свои вывез. Но пока она нужна для прикрытия отходящих войск генерала Каппеля от обхода 35-й дивизии красных с юга.

Молчанов еле заметно поморщился – начальство, как всегда, в своем репертуаре. Если что-то и даст, то тут же отобрать норовит. Фомин заметил эту гримасу и улыбнулся – ход мыслей генерала был ему понятен, сам в таком положении не раз бывал.

– С юга подходят части генерала Гулидова, отступившие от партизан Щетинкина с Минусинского фронта. Там остатки Ачинского полка и Красноярского местного батальона да енисейские казаки. Пехоту я приказал свести в два батальона, пополнить назаровцами, а казаков отправил в распоряжение войскового атамана генерала Феофилова. Он переформирует два своих казачьих полка в один, как раз шесть сотен сабель и наберется...

– Шашек, – автоматически поправил Молчанов.

– Виноват. Конечно, шашек. Сабли считаем лишь в армейских полках. И еще – генерал-майора Гулидова я назначил командиром 4-й Сибирской стрелковой бригады, которая передается вам в полное подчинение.

– А разве такая есть? – удивился Молчанов.

– Уже есть. В нее вошли барнаульцы полковника Камбалина. Второй батальон формируется из отступивших от Томска остатков гарнизона с местными военно-училищными курсами полковника Ярцева. Третьим и четвертым – ачинцы и красноярцы Гулидова, у них пушка. Свое единственное орудие отдадут енисейские казаки. Артвзвод есть, снарядами можем обеспечить в самой малости – полсотни штук дам, больше не могу. Также в бригаду передан Томский гусарский полк полковника Хрущева, очень сильного состава в шестьсот солдат и офицеров.

– Ну что ж, сил достаточно. После полудня я отдам приказ на выступление. Попробую оттеснить красных до вечера по направлению к Большому Улуйскому, и там добить. А завтра с полудня начну атаку Краснореченской.

– Я думаю, Викторин Михайлович, Грязнов не даст вам времени на сосредоточение всех частей. К ночи он подойдет или сюда, или к Бычкову и попытается прорваться на соединение с главными силами дивизии.

– И что вы предлагаете? – Молчанов с интересом посмотрел на новоиспеченного генерал-адъютанта.

– Атаковать не только его, но одновременно и 90-ю бригаду красных. Навязать встречный бой одной бригадой, второй обхватить ее с левого фланга. Отбросить красных от «железки» и загнать прямо на войска Каппеля.

– А как же 88-я бригада? – Молчанов был несколько шокирован таким совершенно неожиданным предложением.

– Скоро будет ясно, куда она отходит. Если сюда – то атакуем с ходу ижевцами, а с фланга барнаульцами и томскими гусарами. Если к Бычкову – то еще лучше – тогда бьем ее там теми же силами, нам идти намного меньше. А если в Большое Улуйское, то с ижевцами и воткинцами вы атакуете 90-ю бригаду. Будет встречный бой, но у вас вдвое больше сил. Я не сомневаюсь в успехе, тем более наши рабочие сильны духом.

– А бригада Грязнова?

– У нас тогда будет сегодня полный день, чтоб привести в порядок казаков и бригаду Гулидова. Этого времени достаточно, чтобы завтра Волков с четырьмя бригадами разгромил одну. Но вряд ли – краском не полный дурак, чтобы лезть в тот глухой угол. Там пространства для маневра практически нет, и от своих оторвется.

– Хорошо, Семен Федотович. Вот только патронов у меня по полсотни на стрелка, да по две ленты на пулемет. Поможете еще?

– Не смогу, Викторин Михайлович. Что поляки передали, я все отдал во второй корпус – ему Красноярск брать. Довольствуйтесь трофеями, хотя не думаю, что у красных с боеприпасами хорошо. Проверьте в брошенных эшелонах – они от Новониколаевска бесконечной лентой тянутся. Все обозы прошерстите, наверняка там патроны есть...

– Разрешите? – В комнату с шумом ввалился Шмайсер, блестя новыми золотыми погонами. Фомин с Молчановым молча уставились на немца – тот улыбался, явно принес хорошие новости.

– Сюда Грязнов свой авангард отправил. Они от нас в пяти верстах, кавалерийский дивизион и 262-й полк Саломатина. Чуть больше тысячи народа. Мои с пулеметчиками позицию заняли, егеря в засаде сидят, пропустим в село кавалерию и ударим по пехоте. Поле чистое, далеко не убегут.

– Он обезумел, что ли? Нельзя же бригаду так дробить! – не в силах поверить в свалившееся на голову счастье, пробормотал Фомин.

– Пленных захватил? – деловито спросил Молчанов, чуждый подобным сантиментам. На то и война, на ней всегда ошибаются.

– Ага, Викторин Михайлович, солдатики дезертировать от него начали. «Наши» бывшие. Вдумчиво так их поспрашивали.

– Вот все и решилось. – Командующий первым корпусом поднялся, и вопросительно посмотрел на Фомина. Тот кивнул, давая знак, что разговор закончен. Молчанов только улыбнулся – он обиды не держал на то, что теперь они ролями поменялись, и вышел из комнаты.

– Слушай, Шмайсер. В каждой бригаде будет развертываться отдельная егерская рота, и еще доукомплектовываются два отдельных егерских батальона полковника Глудкина. Постараемся всех на лыжи поставить. Просьба к тебе есть – выдели по пять своих ребят инструкторами в каждую роту.

– Да ты что?! На десять бригад полсотни будет, да на пару батальонов тридцать. Я уже роту свою на две поделил – ижевскую и воткинскую. Народу еле хватило, даже сотню солдат из батальонов выбрал.

– Надо, Шмайсер, не местничай. Ты назначен командующим всеми егерями, вот ими всеми занимайся, а не двумя ротами. Это просьба Мики. Только прикинь, какая польза будет всей армии?!

Шмайсер задумался, и в прения вступать не стал, а это радовало. Осознал немец, как говорилось на партсобраниях и митингах в то их покинутое время, требования текущего момента.

– Пять мало. Я по десятку, нет, дюжине выделю. Это двести бойцов будет. А ижевцам и воткинцам по полсотни старых егерей хватит. Пополнение из батальонов получат, там народ тертый. Только у меня просьба – я этим делом после боя займусь!

Черемхово

– Господа министры! Я думаю, предложение Ефима Георгиевича о проведении мобилизации двух возрастов преждевременное. Народ устал от войны, и призыв старших возрастов чреват осложнениями.

– А как я вам армию укомплектую, Константин Иванович? Вы требуете пополнений, а взять мне их негде. Добровольно никто не идет за нищенское вознаграждение, не побоюсь этого слова.

– Финансы не бездонный колодец, чтоб его черпать. Бумажные деньги будут введены в оборот только к началу февраля. Золото расходуется слишком быстро. У нас и так жалованье служащим уже вдвое повышено и составляет почти три четверти довоенного.

– А вы дороговизну в расчет возьмите, Иван Андрианович! Это за золото отдают охотно, но вы сибирскими знаками половину платите...

– Господа! Прошу извинить, но может быть, вы выслушаете мои соображения?!

– Да, конечно...

– Мы слушаем вас, Константин Иванович...

Министры обороны и финансов разом остыли и повернулись к Арчегову. Премьер Вологодский, который во время перепалки только страдальчески морщился, с укоризной поглядел на склочников. Министр экономики Серебрянников вытирал платочком пот с широкого лба, Пепеляев задорно поблескивал стеклами очков, а глава МВД Яковлев хитро улыбался, видно, обдумывал какую-то гадость. То еще правление – порой единомышленники, но иной раз прямо змеевник какой-то, террариум.

И в стороне, как бы подчеркивая свою непричастность, сидел заведующий делами кабинета Гинс, тщательно записывая разговоры. Ему предстояло оформить принятые решения кабинета министров. За ним примостились в олимпийском спокойствии вице-адмирал Колчак и генерал-майор Оглоблин, их вопросы стояли во второй очереди.

– Смотрите, господа. В селах выбраны призывы от 1898-го до 1900 года рождения включительно. Про города я не говорю – они вычерпаны до остатка. И что получается? В последний набор взяли мальчишек, а не солдат. Их учить и кормить надобно, не на убой же посылать. Зачем 1901 год призывать, если они физически не готовы.

Ермаков-Арчegov знал, о чем говорил, – акселерации в начале века не было, а потому обычно призыв осуществлялся с 21 года. Здесь же стали уже призывать с 19 лет – молох гражданской войны требовал своих жертв. Но бросать в бой будущее русского народа он не мог. Требовалось, по крайней мере, хотя бы полгода кропотливого обучения.

– Смотрите – призывы 1898 и 1899 годов рождения взяты меньше чем на одну треть. Освобождены от призыва, а это больше двух пятых, и не по негодности к службе по физическому состоянию, а единственные сыновья в семье или единственные работники. Десятая часть – белобилетники, а чуть ли не одна пятая дезертиры. Так ведь, Павел Дмитриевич?

– Абсолютно так, Константин Иванович. Если призвать единственных сыновей, у которых способный к труду отец, и поставить под ружье дезертиров, то мы призовем даже чуть больше, чем взяли до этого. И еще одно обстоятельство – призывы 1895, 1896 и 1897 годов рождения не отслужили в 1916 и 1917 годах положенных по закону двух лет службы и, следовательно, могут подлежать повторному призыву. Если взять также освобожденных в то время от службы, то общий призыв только по Иркутской губернии достигнет двадцати пяти тысяч человек.

На добрую минуту в вагоне воцарилась мертвая тишина, но потом министры возмущенно и со страхом заговорили разом. Первым не выдержал Вологодский, смертельно побледнев:

– Вы в своем уме – это же приведет к всеобщему возмущению!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.